

СДЕЛКА, КОТОРАЯ ИЗМЕНИТ ЖИЗНЬ

INVISIBLE THREAD
ЩЕРИ ДИММЫ

ИММО

ХЕЛЬГА ПЕТЕРСОН

16+

Хельга Петерсон

Невидимой нитью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67505354

SelfPub; 2023

Аннотация

Майя – модель. И речь не о глянце и миллионных гонорарах. Её максимум – это баннер с рекламой зубной пасты.

Но однажды ей предлагают попробовать нечто новое, непривычное... И Майя соглашается.

Она еще не знает, что в партнёры ей подсунули совершенно незнакомого парня: огромного байкера с рассеченной бровью, от взгляда которого по коже бегают мурашки. А эта работа свяжет их прочной нитью.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	26
Глава 3	48
Глава 4	64
Глава 5	78
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Хельга Петерсон

Невидимой нитью

Пролог

Майя глубоко вдохнула.

Это же просто, очень просто. Нужно всего лишь сесть к нему на колени и обнять. Всё. Никаких сложностей. Закрывать глаза и представить на его месте Мартина. И всё получится. Должно получиться.

Она развернулась к мужчине. Он сидел, широко расставив ноги в потёртых джинсах. Расстёгнутых джинсах.

Господи...

Торс, прикрытый только тонкой белой майкой-алкоголичкой, широченная грудь, татуированные мощные руки... Нет. Это не Мартин. Совсем. Даже на ощупь. Чтобы обнять Мартина, достаточно просто... обнять. Чтобы обнять этого человека, придётся распластаться на нём, как на баобабе, и всё равно не обхватишь его крепкое тело целиком.

– Всё хорошо? – прозвучал глубокий грудной бас.

Майя тихо выпустила воздух из лёгких, оторвала взгляд от мощных плеч и заглянула в суровое лицо со шрамом поперек чёрной брови.

– Да, – выронила она и растянула губы в улыбке. – Всё

супер. Начинаем?

– Как скажешь.

Большой, устрашающий, согласный на всё. Что с ним делать? Майя оттолкнулась от спинки дивана, приподнялась и перебросила голую ногу через бёдра в джинсах. Расстёгнутых джинсах. Её голый живот тут же ощутил жар, исходящий от мужского тела.

Нет. Легко ей не будет.

– К такому я готов не был, – хмыкнул громила под ней.

– Я как-то тоже, – пробормотала Майя, положила руки на сильные плечи.

– Мне нужно тебя обнять? – хрипло спросил он.

Чёрт...

– Да, – Майя снова растянула губы в улыбке. – Было бы неплохо.

– Ладно...

И обжигающие сухие ладони легли на её бёдра. Заскользили вверх, задели край коротких шортов и проследовали на талию. Обхватили её почти целиком. Мужчина заметно вдохнул. Глубоко, тяжело. Кадык на мощном горле дёрнулся вниз и вверх.

– Что дальше?

Майя выгнулась навстречу крепкому торсу. Махнула головой, уткнулась лоб в лоб, и её растрёпанные каштановые волосы завесили собой другие каштановые, на несколько тонов темнее.

– Не знаю, – пробормотала она рядом с колючей недлинной бородой. – Можем посидеть так немного.

Джинсы под ней дёрнулись в районе расстёгнутой ширинки.

О господи боже.

– Прости, – пробормотал громила, и его пальцы сильнее впились в её оголённую талию. – Это не я.

– Всё нормально, – она оторвала руку от напряженной шеи, провела пальцем по шраму на брови. – Я всё понимаю.

Конечно, это не он. Ему сейчас, наверное, еще сложнее, чем ей.

Горячая рука на талии Майи поднялась выше, пальцы почти невесомо прошли по позвоночнику к шее. Нежно, как перо или цветок. Майя чуть заметно вздрогнула и задержала воздух в лёгких. Такие сильные руки не должны уметь так нежно касаться...

– Так, стоп! – прозвучал со стороны неприятный фальцет. А про него уже все забыли... – Мне очень жаль, Май, но тебе нужно раздеться еще больше.

Твою же мать...

Глава 1

Душный спёртый воздух обволакивал тело и лип к коже гадкой плёнкой, несмотря на поздний вечер. Бар, толпа народа, август в самом разгаре. Давно стоило повесить систему кондиционеров, но старая постройка грозила развалиться на довоенные кирпичи, если начать штробить в ней стены. Да и климат как-то не располагал к лишним телодвижениям. Обычно. Но не сейчас.

Хью сорвал с барной стойки полотенце, швырнул в раковину, пустил воду. Струя ударила в ткань и быстро расплзлась мокрым пятном. Он закрутил кран и отёр лицо намоченной тряпкой. Полегчало. Немного. Сегодня здесь какой-то аншлаг. Его бар «Чёрная кошка» пользовался популярностью за счёт «открытого микрофона» и недорогой выпивки, но сегодняшний вечер, кажется, побил все рекорды.

Какая-то юная рок-команда набрела на бар и собрала зал. А еще собрала для Хью полную кассу, и это, конечно, компенсировало вонючую духоту. Ради такого можно и потерпеть еще час до закрытия. Пацаны завладели микрофоном намертво, не пускали на сцену больше никого, но больше никто и не рвался. Конкуренция сегодня отсутствовала напроочь.

Хьюго вытащил из угла маленький, крепко сбитый стул, тяжело рухнул на него и вытянул вперед длинные ноги. Они

успели налиться свинцом за вечер, спина ощущалась куском дерева, голова гудела. Он любил музыку всегда. «Открытый микрофон» приблизил его к ней. Но сегодняшние пацаны-рокеры оказались уж слишком энергичными. Хотя народу это нравилось. Главное, что народу нравилось.

Вокалист взял очередную высокую ноту, всю толпу будто качнуло волной, и тут же раздалось оглушающее «У-у-у-у!». Хью устало закрыл глаза, пропуская через себя весь этот шум.

Точно, рок-концерт. Хорошо, что при переделке бара он догадался обшить стены звуконепроницаемыми панелями. Иначе здесь уже была бы полиция и злые соседи.

– Привет, здоровяк! – прокричал кто-то совсем рядом.

Он открыл глаза и повернулся на голос. Взгляд наткнулся на девушку, появившуюся на высоком барном стуле. Джудит. Хью даже не заметил, как она отделилась от толпы и когда успела подкрасться так близко.

– Привет, – бросил он.

Снова поднялся на ноги, снова подошёл к стойке, согнулся и оперся на неё локтями. Чтобы смотреть Джудит в лицо, а не заглядывать в глубокое декольте майки без рукавов. Хотя заглядывать туда давно бессмысленно: всё, что надо, Хью уже видел.

– Шумно здесь сегодня, – девушка скопировала его позу. Хьюго повёл массивным плечом.

– Это бар.

– Даже в барах бывает тише, – она сцепила пальцы и опёрлась на них подбородком. Выгнулась. Большая грудь в белой майке легла на стойку. – Ты в прошлый раз так рано сбежал, – заговорщицки улыbnулась девушка.

Если обеденное время можно назвать словом «рано». Хью задумчиво почесал шрам на брови и подался вперед. К самому лицу, обрамлённому белыми кудряшками.

– Я ушёл в полдень, – проговорил он, почти ткнувшись носом к носу.

Чёрные ресницы Джудит опустились, взгляд метнулся к его губам.

– Но я еще спала.

– Мне нужно было забрать гитару.

Очередная песня закончилась. Хью покосился на сцену: мальчик-вокалист наклонился, схватил бутылку с водой и начал жадно пить. Устал бедняга. Столько надрываться можно только в юности. Потом уже хочется поберечь себя.

– Это не могло подождать? – прошептала Джуд в создавшейся паузе.

Хью снова вернул взгляд к её лицу рядом со своим. Отвлёкся.

– Что могло подождать?

– Твоя гитара никуда бы не сбежала, – нахмурились светлые бровки.

А да, та ночь. Ничего необычного. Он отпрянул от стойки, выпрямился.

– Я сдавал её в аренду, Джуд. Думаю, она уехала бы в Ланкашир, если бы я не забрал её вовремя.

Компания парней отделилась от толпы слушателей и подошла к бару.

– Гитара для тебя важнее меня, – успела прошептать девушка, но тут же замолчала, почувствовав движение рядом с собой.

И это чистая правда. Гитара для Хью намного важнее Джудит. И Джудит это хорошо знает. В это время парни остановились рядом со стойкой, один из них облокотился на неё, отфыркнулся от длинной красной чёлки и постучал пальцами по дереву.

– Эй, нальёшь нам пива?

Пиво – это отлично. Можно отвлечься от разговора, который перестал быть томным. Хью кивнул, развернулся к кранам, подхватил первую пустую кружку. Потянул на себя рычаг, струя побежала по толстому стеклу.

В их свободных отношениях с Джуд нет ничего личного. Хью понятия не имел, чем она живёт в то время, когда они не спят вместе, и она так же не имела понятия о жизни Хью. Но периодически пыталась запустить в неё свой ядовито-желтый маникюр. Не слишком навязчиво, но пыталась. Скорее всего, ей было просто любопытно. Ни о какой привязанности речи не шло. После очередной ночи девушка имела свойство исчезать с радаров и появлялась только тогда, когда ей было нужно.

Такие странные, но удобные отношения.

Пиво долилось до краёв. Хью отставил вторую кружку, наполнил поочередно еще две и вернулся к парням. Тот, что с чёлкой бросил на стойку несколько купюр. Пауза в сэт-листе музыкантов затянулась: то ли певец выдохся, то ли закончился репертуар, но пацаны на сцене до сих пор не начали играть. Вокалист всё еще хлестал воду уже из второй бутылки и о чём-то переговаривался с коллегами.

Компания отошла от бара и смешалась с толпой. Джудит проводила их тощие задницы тоскливым взглядом.

– Поедем ко мне после закрытия? – пробормотала она, снова развернувшись к Хью и облокотившись на стойку.

Красивая грудь в декольте снова легла на столешницу. Призывно, красноречиво. Его взгляд сам метнулся к белой коже. У кого бы не метнулся? Периферическим зрением Хью уловил момент, когда на лице Джуд расплылась хищная улыбка. Именно на это она и рассчитывала. Но просчиталась. Сегодня её декольте не вызывало никаких эмоций.

– Не выйдет, – он вяло пожал плечами. – Я слишком устал, чтобы куда-то ехать.

– Тогда поднимемся к тебе.

– Ты знаешь, что ко мне мы не поднимемся.

– Фу, ты гадкий, – она надула губы, отпрянула от столешницы, скрестила руки на груди. – Хоть разок мог бы пригласить.

Джудит ни разу не была в его квартире над баром. Там,

вообще, мало кто бывал. Хью чётко обозначил этот момент уже давно, однако это не мешало девушке пытаться проникнуть в святилище. Зачем?

Он закатил глаза, опёрся ладонями на дерево столешницы и навис над нею большой тенью.

– Бабушка не будет рада слушать твои стоны.

– «Бабушка не будет рада», – едко передразнила она. – Уже давно пора сдать старуху в дом престарелых.

И снова ярко-желтый ноготок попытался вонзиться в личную жизнь. Но это она зря.

– Осторожно, Джуд, – Хью прищурился. – Ты наступаешь не туда.

– Сколько тебе лет? И ты до сих пор живёшь с бабкой. Даже не можешь привести домой подружку, потому что там бабка!

Вот это точно зря. Полный, недалёковидный просчёт. Хью снова погладил пальцем шрам на брови и скрестил руки на груди.

– Тебе налить чего-нибудь? – сухо спросил он.

Выгнать её из бара было бы совсем низко, хотя очень захотелось.

– Не переводи стрелки, – фыркнула девушка.

Парни на сцене снова взялись за инструменты, вокалист вернулся к микрофону и шумно в него откашлялся. Непрофессионально. Но так даже и хорошо. Теперь Джудит не сможет устроить скандал на весь бар.

– Наслаждайся концертом, – проговорил Хью, возвращая взгляд к девушке.

Её глаза удивлённо округлились.

– Ты серьёзно?

Либо она такого не ожидала, либо правда дура и не понимает, что зашла слишком далеко. Хью промолчал. Отвернулся к сцене. Гитарист ударил по струнам электрогитары, и из колонок вырвался оглушающий звук. К нему примешался бас. Бар утонул в этом диком гитарном запиле.

– Нет, Хьюго, ты серьёзно? – попыталась рявкнуть Джудит, но услышал её, похоже, он один.

Серьезнее не бывает. Бабулю Беатрис ядовито-желтые ногти тыкать не будут.

– Я сейчас уйду, Хью. – Он невозмутимо поднял руку, почесал заросшую тёмной бородой щеку. – Если я уйду, ты меня уже здесь не увидишь, – добавила девушка.

Эта связь давно начала тяготить. Стоило порвать её еще раньше, но Джудит постоянно возвращалась, и он шел у неё на поводу. Сложно отказать, когда всё самое нужное предлагают просто так. Однако без неё слишком грустно не будет.

Девушка продолжала сидеть на стуле и пялиться на Хью. Он чувствовал её яростный взгляд скулой. Сам смотрел строго на сцену. Музыканты взяли проигрыш, вокалист отошёл от микрофона и стал качаться под музыку, как маятник. Или сектант. Харизматичный пацан, возможно, с большим будущим. Хотя сколько их таких было в этом баре? Ни од-

ного из них Хью больше не видел.

Джудит надоело ждать ответа. Она смахнула с глаз кудрявую белую прядь, соскользнула со стула и резко развернулась. Зад в короткой юбке круто завилял к выходу. Светлые кудряшки запрыгали в воздухе. Вот и всё. Хью молча проследил за тем, как открылась дверь, и его бывшая неизвестно кто вышла вон.

Как он вообще вляпался в это всё? Как все, наверное. Около года назад Джудит вплыла в бар, так же виляя бёдрами, так же уложила грудь в обтягивающей майке прямо на столешницу и весь вечер пожирала Хью взглядом. Изучала татуировки на его руках.

– Обожаю мужчин с такими руками, – сказала она тогда.

Кто он такой, чтобы спорить? Спорить он не стал. Когда бар закрылся, Джудит оказалась с Хью в подсобке. И понеслось...

Он отошёл от стойки, вернулся к своему крепко сбитому старому стулу, снова тяжело на него опустился. Снова вытянул отяжелевшие ноги. Вокалист на сцене взял последнюю высокую ноту, от басов задребезжали пустые стаканы, рюмки и кружки. И тут же всё прекратилось. Музыканты сорвали руки со струн, пацан театрально упал на колени.

Касса кассой, но это первый и последний рок-концерт в «Чёрной кошке». Если бы лопнуло оконное стекло, было бы несмешно. Хватит на сегодня, хватит вообще. Всё-таки у ба-

ра более лёгкий и ненавязчивый формат. Хью уловил момент, когда вокалист дёрнул головой и, продолжая стоять на коленях, исподлобья посмотрел на него. Вопросительно. Почувствовал, что перегнул. Хью поднял руку и ткнул пальцем в татуированное запястье, будто на нём есть часы. Парень понятливо кивнул.

Пусть сворачиваются. Всем здесь пора отдохнуть, и Хью в первую очередь.

Вокалист поднялся с колен, прошептал что-то коллегам, и те принялись отсоединять своё оборудование. Толпа нескладно загудела. Парень обернулся к публике и поднял руки в успокаивающем жесте.

– Да-да, ребята! – уже без микрофона прокричал он. Как он еще может кричать? – Знаю, было круто, но нам уже пора. Вы классная публика! Надеюсь, встретимся еще и не раз.

Это вряд ли.

Хью устало потёр лицо ладонью. Снова липкое от духоты. Скорей бы на воздух.

– Наконец-то она ушла, – прозвучал фальцет со стороны стойки.

Хью уронил руку и повернулся. Отделил взглядом от толпы лысого мужчину с пачкой цветных бумажек в руках. С «козлиной» эспаньолкой и закрученными усиками под носом. Том. Станный Том, который постоянно ошивается здесь неясно зачем. Пьёт он обычно мало, к музыке дышит ровно. И вообще, он вроде бы фотограф.

– Кто? – Хью сдвинул брови, глядя на смешную тонкую бороду.

Том кивнул в сторону выхода.

– Кучерявая блондинка.

– А-а... – протянул Хью. – А ты зачем снова здесь?

– Я всегда здесь, – он влез на стул. – Даже когда меня нет.

Странный тип. Немного ненормальный, но таковы, наверное, многие творческие личности. На дерево столешницы опустилась пачка цветных листов и раскрылась веером. Хью поднялся со стула, бросил взгляд на веер.

– Опять флаеры? – он подошёл ближе. – Что на этот раз?

Взгляд Тома тут же стал фанатичным.

– Перфоманс! – выпалил он. – Хочешь пойти? Всего десять фунтов за вход.

Его идеи часто отличались оригинальностью. Странные выставки, голые люди, бесплатная выпивка...

– Я лучше куплю себе пива, – пробормотал Хью, упираясь ладонями в столешницу.

– У тебя полно пива.

– Точно. Значит, не куплю.

Том скорчил скептическую гримасу, но промолчал.

По бару пронёсся резкий высокочастотный звук, больно ударил по ушам. Хью поморщился, рванул вверх руку и прижал пальцы к виску. Посетители издали недовольный стон, лысый Том крутанулся к сцене.

– Простите! – прокричал вокалист. – Мы случайно.

– Руки из задницы, – пробурчал Том, снова поворачиваясь к бару. – Слушай, я, вообще, по делу подошёл.

Посетители тонкой струйкой потянулись к выходу. Либо устали, либо фокус с аппаратурой умерил их энтузиазм.

– Флаеры можешь оставлять, – Хью указал взглядом на пёструю пачку на столешнице. – Кто-нибудь заберет.

На самом деле, вряд ли. Девяносто процентов из того, что оставлял здесь Том, в итоге уходило в урну. Завсегдатаи «Чёрной кошки» мало смыслят в выставках боди-арта.

– Нет, не по этому делу, – отмахнулся гость.

Хью вскинул брови.

– Нет?

– Мне нужна помощь, – Том щелкнул пальцами и выставил указательный в его сторону. – А тебе нужна работа.

А это уже выглядит как авантюра. Хью оттолкнулся от стойки и скрестил руки на груди.

– Не нужна.

– Ладно, – пошёл на попятную Том. – Значит мне просто нужна помощь.

– Какая?

– Мне нужна модель на фотосессию, – он нервно поскрёб пальцами лысину. – Всё уже оговорено, команда готова, студия заказана. Но модель заболела.

Брови Хью выгнулись еще больше. Шутник.

– Прикалываешься? – чисто риторический вопрос. – Где модели и где я? Джудит не ошивалась бы здесь, если бы я

знал хоть одну модель.

– Джудит – это.... – Том ткнул пальцем себе за спину.

– Да.

– Оу... – он надул щеки, но тут же выпустил воздух. – Но я не о том. Мне нужен мужчина-модель, – указательный палец снова ткнулся в Хью. – Ты.

Он, должно быть, ослышался. Голова гудела уже слишком сильно, и всё что угодно могло показаться, слышаться, привидеться. Хью сдвинул брови, всмотрелся в лицо с закрученными усами... Какое-то подозрительно выжидающее лицо.

Нет, не ослышался.

Он недобро прищурился.

– Ты нормальный?

– Не отказывайся сразу, Хьюго! – затараторил Том, подпрыгивая со стула и перегибаясь через стойку. – Подумай! Это отличная работа, несложная, и такой шанс!

– Нет!

– Хью, пожалуйста! Когда тот парень позвонил и сказал, что болен, я сразу подумал о тебе! Прямо сразу!

– Ты сам болен, Томас. Подлечи голову.

– Нет! Ты только посмотри на себя! – он снова разогнулся, указывая на Хью, как на экспонат. – Такой фактурный, а пропадаешь здесь, и никто тебя не видит!

– Меня многие видят. Посмотри, как много людей меня видят.

– Это другое! – Том нервно отмахнулся. – Эти руки, шрам, татуировки. Этот рост! Какой у тебя рост, Хьюго? Не меньше шести футов! А может, семь? Ты не задеваешь головой люстры?

Господи, он сошел с ума. Просто сошёл с ума. Сегодняшний вечер уже исчерпал весь запас экстраординарности. Хью упёрся одной рукой в бедро, второй зажал пальцами переносицу. Зажмурился.

– Томми. Заткнись прямо сейчас.

Но тот, похоже, не собирался сдаваться.

– Я тебя умоляю, – он снова бросился на стойку, как на постель умирающего. – Один раз, только один. Больше просить не стану. Съёмка завтра, всё отменять и переносить уже не вариант, а я больше не помню никого с таким же типажом и фактурой!

Еще оставшиеся в баре посетители начали оборачиваться на бурную дискуссию. Пацаны на сцене уже откровенно ухмылялись, скручивая провода своей аппаратуры и укладывая в кофры. Если Том хотел выбрать наилучший момент, он его выбрал.

– Господи... – Хью тяжело вздохнул. – Сколько?

– Что? – ошарашенно выдохнул тот.

– Цена, Томас, цена. Сколько?

– Триста фунтов.

Не так и мало за несколько часов бездействия.

– Ладно...

– Да? – оживился он.

Не поверил своему счастью.

– Да, – Хью закатил глаза. – Где и во сколько?

– Недалеко, в Ротерхите. В час.

– Я приеду. А теперь иди отсюда.

Пусть проваливает и не веселит людей.

Однако Том еще не закончил.

– Подожди, – он распахнул тонкую спортивную куртку и всунул руку за её полу. – Давай подпишем договор.

На дерево столешницы незамедлительно опустился два сложенных в три раза белых листа. Хью вздёрнул одну бровь.

– У тебя и договор с собой?

– Я подготовился, – кивнул Том.

Действительно, подготовился. Провернул целую военную кампанию. Когда там заболел его модель, раз он успел так всё продумать? Хью развернул лист и беспомощно уставился в него. Очки он оставил в квартире наверху, ручку с собой не носил. Мелкий шрифт заплясал мелкими строчками.

Перед глазами материализовалась рука с выставленной на манер шпаги ручкой. Хью оторвал взгляд от бумаги и посмотрел на Тома из-под бровей.

– Я же сказал, что подготовился, – пожал плечами тот.

Ушлый проходимец. Хью выдернул ручку из тонких, почти женских пальцев и размашисто махнул по бумаге. Синяя подпись заполнила собой шестую часть листа. Если в договоре окажется что-то неприглядное, он просто затолкает эту

бумажку Томасу в глотку.

– Всё, – пробормотал Хью, швыряя ручку на столешницу. – Можешь валить.

– Да, – встрепенулся Том. – Ладно. Спасибо! – резво сгрёб в кучу свои вещи и прижал к тощей груди. – Но... знаешь... Может, ты это... – он выставил палец и очертил в воздухе небольшой круг. – Побреешься перед тем, как ехать?

А это он зря. Очень зря. Хью сложил руки на груди, огладил короткую бороду.

– Знаешь что, Томми?

– А?

Он пригнулся к стойке, поставил на неё локти и пома-нил приятеля пальцем. Тот послушно, но осторожно подался вперед. Хью сузил глаза.

– Я и вся моя фактура шлём тебя в зад, – прошептал он почти в самое узкое лицо.

Тома нервно отшвырнуло назад.

– Ладно. Ладно, – он попятился. – С бородой тоже отлично. Я пошёл, да?

Хью кивнул.

– Иди.

– Ну, пока.

– Ага.

Дверь скрипнула, растягивая по молчаливой квартире неприятное «хр-р». Хью поморщился. Пригнул голову и бесшумно вошёл в тёмную прихожую. Прикрыл дверь.

«Хр-р».

Завтра же нужно смазать петли.

Однако, похоже, можно и шуметь. Под дверью бабушкиной комнаты виднелась тонкая полоска света. Не спит. Почему не спит? Уже поздно, обычно в это время свет не горит и квартира погружена во тьму.

– Это ты, Хьюго? – раздался резкий старческий голос.

Он щёлкнул замком, потянулся, нашел на стене выключатель и хлопнул по нему. Маленькая прихожая осветилась жёлтой потолочной лампой.

– Я, – пробасил Хью. – Ты почему не спишь?

– Ты устроил там сегодня настоящий ад, – едко сообщила бабушка. – Временами у меня трясся торшер.

Чёрт. Стены бара были обиты звуконепроницаемыми панелями, а потолок нет. При ремонте Хью логично рассудил, что его собственную квартиру от шума защищать нет смысла. Оказалось, не очень логично.

– Прости, – он повесил ключи на крючок и направился в ванную. На ходу схватил футболку на спине и стянул через голову. – Больше не повторится.

Бабуля промолчала. Она высказала свою чёткую позицию, услышала оправдания и решила, что на этом можно закончить. Как всегда. Хью вырос с такой манерой общения, по-

этому ответа даже не ждал. Вошел в ванную, включил свет и там, крутанул кран в душе. Тёплый дождь хлынул из распылителя. Наконец-то. Счастье после душевного бара.

Из прихожей слышались шаркающие неуверенные шаги и ритмичный стук палки. Бабушка вышла на разведку. Сейчас послушает, что в ванной льётся вода, развернется и постучит назад в свою спальню. В общем-то, так и случилось. Шаги заглохли сначала под дверью, а потом снова начали отдаваться, пока не исчезли совсем. Хью тихо хмыкнул, сбросил джинсы и вступил в душевую кабину.

Почему он живёт с бабушкой? Эта информация приводила в замешательство всех его женщин, не только Джудит. Но одно дело говорить об этом, когда тебе двадцать пять, двадцать восемь, может даже тридцать. И другое, когда на днях исполнится тридцать шесть. Все женщины Хью проходили те же стадии, что и Джуд. Удивление, смирение, желчную ярость. Всем им хотелось на первое место. Иногда справедливо, иногда не очень, как в случае с последней. В какой-то момент Хью просто перестал приводить их домой и знакомить со старой леди, чтобы оградить её от ненужных душевных потрясений. В неполных девяносто она каждый разрыв внука воспринимала как свой. Пусть и не показывала этого никогда.

Рассказывать женщинам о том, что бабуля его вырастила, а сейчас сама нуждается в уходе, Хью тоже со временем перестал. Их сочувствие и понимание притуплялось, и к кон-

цу отношений они все хотели отдать Беатрис Пирсон в дом престарелых. А Хью не хотел. Она же не отдала его в детский дом давным-давно, хотя могла так поступить. У неё была куча возможностей. Однако она все их отмела одним только скупым взмахом руки.

Так что сейчас Хью постоянно стоял перед выбором: привести очередную подружку к себе и всё-таки избавиться от старухи или ждать и смотреть, как подружка не сможет с нею ужиться. Он выбрал третий вариант из двух.

Вода тёплыми струями стекала с волос на кожу, расслабляла мышцы. Пар, скопившийся в душевой, добрался еще и до мозга. Хью крутанул смеситель, закрыл лицо ладонями, отёр с него воду. Спать. Пора спать. А завтра желательно не проспять до обеда и приехать вовремя туда, куда ехать нет никакого желания. Всё-таки Томас выбрал отличный момент для своей просьбы. Подойди он на пять минут раньше, когда пацаны еще не закончили выступать, и его просьба утонула бы в «аду», как назвала его бабуля.

Придерживаясь за край дверцы, Хью выступил из душевой, намотал на бёдра полотенце и толкнул дверь. Вышел в коридор, оставляя мокрые следы на деревянном полу. Из спальни старой леди всё еще просачивалась полоска света. Он подошёл к дверному полотну и стукнул по нему костяшкой пальца.

– Да? – прозвучал резкий ответ.

– Спишь?

– Нет, можешь зайти.

Хью перевел взгляд на свою голую мокрую грудь: капли воды сбегали с неё и исчезали в махровой кромке.

– Нет, – ухмыльнулся он закрытой двери. – Не буду тебя шокировать. Разбуди меня в десять, если я сам не встану.

– Как скажешь, – проскрипела бабуля. – Но ты можешь положить будильник себе под голову.

Без замечания разговор был бы не разговор.

– Я прошу на всякий случай, – пробормотал Хью.

– Я напоминаю тоже на всякий случай.

Он вздохнул, возвёл взгляд к потолку.

– Спокойной ночи, ба.

– Спокойно ночи, – отозвалась она. – Не закатывай глаза, милый.

– Я не закатывал.

– Не ври.

Хью тихо хохотнул и побрёл в свою комнату.

Ни одна его женщина не смогла ужиться с Беатрис Пирсон. А зря. Если пропускать мимо ушей половину её колкостей, она может сойти за самую милую даму в мире.

Глава 2

– Ма-артин! Я опаздываю, ты не видел мой фен?

– Я сжег его вчера.

– Что?!

Майя пулей вылетела из ванной. Полотенце, замотанное на груди, чуть не съехало вниз, но она подхватила его рукой, прижав к телу. Мартин вальяжно привалился к стене, потягивая третий за утро кофе.

– Мне нужно было высушить носки. И он вдруг задымился... – жених пожал плечами, а взгляд прошёл по Майе сверху вниз, задержавшись на бёдрах в каплях воды. – Я его выбросил.

В это невозможно поверить.

Он. Сжег. Фен.

Когда. Сушил. Носки.

Господи боже...

– Мартин! – брови Майи ошарашено взлетели на лоб.

– Ну что?

– «Что»? Просто «что»? Ты не мог сказать мне об этом вчера? Ты знал, что у меня сегодня работа, и не мог пойти купить новый фен?

Струи воды текли с коротких волос на плечи, сбегали вниз, утопали в полотенце. Несмотря на жаркий август, мокрая кожа быстро покрылась мурашками. Майю передернуло.

– Я же не знаю, какой тебе нужен, – снова пожал плечами Мартин.

Фантастика. Зато он знал, как сушить дорогим профессиональным феном носки. Дар речи у Майи отнялся напрочь. Она круто развернулась на носках, влетела назад в ванную и захлопнула дверь. Идиот. Просто идиот. Майя сорвала с себя полотенце, закинула его на голову и стала интенсивно перетирать волосы.

«Почему ты опоздала, Майя? – О, ты знаешь, мой жених сжег фен. А знаешь как? Он сушил им носки!» – примерно так будет звучать оправдательная речь. Кошмарно и совершенно глупо.

Стук в дверь заставил Майю замереть.

– Эй, ну ты чего? – прозвучал голос Мартина по ту сторону. Почти раскаянно. – Я дам тебе деньги на новый.

Она не стала отвечать. Какой смысл? Если он сам не понимает, донести до него что-то невозможно. Мартин не видит проблему в том, что из-за него Майя опоздает на съемку. Опоздание на съемку он не считает проблемой вовсе, и неважно, по его вине это случится или по чьей-то еще.

Майя отшвырнула полотенце на хромированные прутья сушилки, схватила бельё. Влезла в него в два рывка. Очередной стук глухо пронёсся по распаренной ванной.

– Май, ответь.

Она шагнула к двери, резко распахнула её и вышла в коридор. Мартин отшатнулся, чуть не получив по лицу двер-

НЫМ ПОЛОТНОМ.

– Осторожно! – воскликнул он.

Так ему и надо. Не оглядываясь, Майя прошагала в спальню. Если он пойдёт сейчас за ней, она сорвётся. Точно сорвётся. Выскажет всё, что накопилось. Хотя какая разница, если он снова не услышит? Оказавшись в комнате, она открыла шкаф, вытянула оттуда шорты и майку и громко захлопнула створки.

– Меньше экспрессии, пожалуйста, – прозвучало с порога. Какого хрена?

Майя обернулась. Жених привалился теперь уже к этому косяку.

– Это всего лишь фен. Ничего страшного не случилось. Ну всё...

– Да, Мартин, это всего лишь фен. Мой фен, – Майя продела руки в рукава майки, влезла головой в вырез, оправила подол. – Без которого мне придётся выйти на улицу с мокрой головой, потому что я опаздываю. А почему я опаздываю? Потому что ты полчаса принимал долбаный душ, а до этого отключил мой будильник, не разбудив меня! – она впрыгнула в шорты и стремительно застегнула молнию. – Давай, скажи мне еще раз, что это всего лишь фен!

Мартин закатил глаза, скрестил руки на груди. Мышцы красиво перекатились под тканью футболки, но этот манёвр не тронул абсолютно.

– Ты слишком бурно на всё реагируешь, – устало вздохнул

жених.

– О да, конечно, – Майя зло хохотнула. – Идиотка здесь я. Дать ему по лицу сейчас было бы лучшим вариантом. Но нет, это не выход.

– Ради чего тебе вообще куда-то идти? – вскинул брови Мартин.

– Потому что это моя работа!

– Это не работа. Это никому не нужный цирк, – он вяло отмахнулся. – Ты давно можешь бросить всё и заниматься домом.

Волна ярости прокатилась по телу. Холодной, даже ледяной. Майя сильнее сжала челюсть. Метнула взгляд по комнате, нашла возле кровати свой мини-рюкзак, рванулась к нему.

– Мне некогда с тобой спорить, – тихо бросила она на ходу.

– Куда ты пойдёшь? – Мартин загородил собой весь проём и вопрошающе развёл руками. – У тебя же голова мокрая!

Какая забота!

– На улице плюс двадцать пять, – огрызнулась Майя, толкнула жениха в плечо и вышла из комнаты.

Носки она надеть забыла, но не возвращаться же за ними. Она пулей сбежала вниз по лестнице, всунула босые ноги в кроссовки и выскочила на улицу. Мартин даже ничего не крикнул вслед. Удивительно.

Ветер тут же подхватил её спутанные мокрые волосы и

начал трепать, солнце пригрело в макушку. Майя пустилась вперед по тихой «спальной» улице. Если бежать через квартал достаточно быстро, то голова высохнет уже за несколько минут. В каком она будет виде – это уже другой вопрос. Чёртов Мартин!

День просто не мог начаться хуже. Наверное, только если бы кто-то умер, но сегодняшнее утро и без того получило пальму первенства на этой неделе. Возможно, так бывает, когда долго живёшь в отношениях, но не настолько же. Кому понравится разговаривать с глухой, уверенной в себе стеной? А такое случалось всё чаще. Свадьба приближалась, и Мартин стремительно терял адекватность. Хорошо, если это просто предсвадебный невроз и потом всё пройдет. А если нет? Обычно таким страдают невесты. Но в паре «Эм-энд-Эмс» роли вдруг поменялись. Серьёзный дантист стал вести себя как девочка-подросток, а его невеста с холодной головой пыталась пропускать мимо все выпад.

Практика показала, что это возможно не всегда.

Когда они познакомились, Мартина никак не смущало, что Майя фотомодел. Не всемирного масштаба, конечно. Всего лишь модель для фотостоков, в которых любой желающий может купить фотографию и сделать из неё баннер или флаер. Какой? Другой вопрос. Это может стать как реклама клиники пластической хирургии, так и реклама средства от геморроя. Но Мартину льстило, что с ним встречается модель.

Больше не льстит.

Кроссовки быстро стучали по тротуару. Двадцать пять градусов тепла точно не прибавят внешнему виду Майи плюсов. От Пекхэма до студии в Ротерхите примерно полчаса пути, и этого достаточно, чтобы пришлось выжимать футболку на финише. Вся надежда, что там будет душ. Иначе – катастрофа.

За два года взгляды Мартина на работу Майи в корне изменились. Однако если раньше он не пытался как-то повлиять на её выбор, то сейчас делает это всеми способами. Будильник сегодня утром не отключился просто так. Любящий жених решил, что Майя слишком красиво спит, и не захотел будить. Он сам в этом признался.

«Красиво спит». Господи, отмазка для младшей школы!

И это он еще не знает, какая будет фотосессия. И не узнает. Лучше бы не узнал. Майя решила на такое впервые за все годы работы, и только ради самого Мартина. Но он, конечно же, не оценит жест.

Майя на ходу раскрыла замок рюкзака и запустила руку внутрь. Нашупала мобильник, вытянула на свет. Не сбавляя скорость, нажала на разблокировку и посмотрела на время. Половина первого. Впритык. Остановиться и подышать абсолютно некогда. До станции наземных поездов еще пять минут, и за эти пять минут желательно не умереть.

Вообще-то Майя не собиралась становиться моделью. Просто она понятия не имела, какое у неё место в этом ми-

ре, а деньги были нужны. Подружка притащила её на первую съёмку просто попробовать. Стоковым моделям не важен рост и объём груди. Главное – приятное лицо. Лицо Майи подошло, ровные зубы сгодились для рекламы стоматологии. Получить первые деньги просто за зубы оказалось очень приятно, и дальше вопросов, кем быть, больше не возникало.

Мартин не вникал в тонкости профессии, когда познакомился с Майей в кафе, где она подрабатывала официанткой. И потом тоже не слишком вникал. А сейчас, за две недели до свадьбы, ему вдруг захотелось сломать всю её систему ценностей.

Тихий квартал остался позади. Майя выбежала на оживлённую улицу и свернула в сторону железнодорожного моста: он уже был виден, переброшенный через проезжую часть, на уровне третьих этажей застройки. Ещё через минуту Майя уже поднималась по ступенькам на платформу, перепрыгивая через одну. В вагон она влетела перед самым закрытием дверей. Воздух в лёгких закончился, кажется, навсегда. Она навалилась на поручень, ткнулась в него лбом и вдохнула, как утопленник перед погружением.

Чёртов Мартин. Чёртов-чёртов Мартин.

У неё осталось двадцать три минуты.

Хью размашисто провел ладонью по зеркалу, стирая налипший на него слой пара. Гладкая поверхность очистилась ровно настолько, чтобы в ней стало видно лицо от глаз до бороды. Хорошей бороды. Качественной. Тёмной, густой, не длинной, но и не короткой. Не торчащей в разные стороны, и пока еще даже без проседи. Что не устроило Томаса?

Хью выставил ладони вперед, уперся ими в стекло, навис над раковиной. Хмуρο уставился в своё суровое отражение.

– Твой завтрак на столе! – донесся до слуха старушечий голос.

Он на секунду взглянул на закрытую дверь, снова повернулся к зеркалу.

– Иду!

И всё-таки, что не так? Да, Хью послал Тома в задницу вчера вечером, но мысль уже упала в мозг и проросла за ночь. Если фотографу нужен был именно такой типаж, зачем что-то менять? Не стоило тогда вообще подходить со своей просьбой, если изначально не всё устраивает. В данном случае модель и не модель вовсе, а так, случайный прохожий. Незачем менять себя ради пары часов работы.

И в этом крылась вся суть.

Хью еще раз рывком провёл по зеркалу. Полоса расширилась, теперь в отражении стала видна вся голова и часть жилистой шеи.

К работе надо подходить ответственно. Даже если она очень-очень временная. Том эту работу почти навязал, и тем

не менее теперь он имеет право высказывать пожелания. Даже если это касается такой личной вещи, как борода. Он фотограф, ему лучше знать, что должно смотреться в кадре. Наверное.

Хью скорчил недовольную гримасу, оторвал одну руку от зеркала, огладил заросшие скулы и челюсть.

– Хьюго, завтрак остынет! – снова просочился в ванную бабушкин скрип.

Надо что-то решать, время не ждёт.

– Переживу, – бросил он. – Иди ложись.

Он глубоко вдохнул, задержал воздух, протяжно выдохнул. Схватился за ручку ящика под раковиной и рванул на себя. Машинка-триммер лежала прямо наверху, в открытой коробке. Хью вынул её и покрутил в руках. Приложил к лицу, приноровился. Но на кнопку не нажал. Нет, всё-таки Томми засранец. Он не заслуживает такой жертвы.

Хью снова запустил руку в ящик и вытянул оттуда среднюю по длине насадку. Прицепил к триммеру и нажал на кнопку. По ванной разлетелось мерное жужжание. Томас переживет, если хотя бы полдюйма щетины останется на месте. И расставаться с остальной длиной не так болезненно, как если бы под ноль. Рука прижала триммер к коже, сделала короткий рывок. В раковину упал плотный ком волос.

Шаркающие шаги и стук палки по полу проник в ванную даже сквозь жужжание.

– Ты одет? – голос бабушки прозвучал совсем рядом.

Хью провёл по челюсти триммером и покосился на дверь.
– Да.

Дверная ручка тут же дёрнулась. Женское любопытство бывает очень забавным. Хью снова уставился в зеркало и продолжил уничтожать бороду. Боковое зрение уловило, как дверное полотно медленно отъехало от косяка. В проёме появилась невысокая худая фигура.

– Ты что, бреешься?

Прозвучало почти удивлённо. Бабулю вообще тяжело удивить, но Хью вроде бы смог. Он снова оторвал машинку от лица, развернулся вполборота. Тёмные, немного выцветшие глаза сверлили его с явным любопытством.

– Ну, почти, – Хью коротко хмыкнул.

– Покажись, – скомандовала бабушка.

Домашний тиран. Хью вздохнул и покрутил головой: вправо, влево. На втором повороте ему под челюсть ткнулся скрюченный палец. Удивительно резво.

– Пропустил, – сухо констатировала бабуля.

Хотя тело её искорёжено артритом, видит она как сокол. Хью отстранился от пальца и развернулся.

– Я не закончил, – пробурчал он, снова врезаясь в щетину пластиковой насадкой.

На секунду он решил, что она сейчас уйдет. Но не ушла. Наваливаясь исхудавшим телом на палку, бабуля осталась стоять в дверях и зорко следить за ходом триммера. Такой взгляд мог бы раздражать, если бы Хью не выработал к нему

иммунитет. Когда-то он боялся этого взгляда. Но это было очень давно. С годами пришло понимание, что бабушка Бетатрис просто не умеет смотреть иначе. Вот только женщины Хью этого так и не поняли. Всех их передергивало от внимательного прищуря, и их сложно за это винить.

Последний клоч упал, на скулах и подбородке осталась относительно небольшая тёмная поросль. Ни в какое сравнение с тем, что сейчас лежало на дне раковины. Хью выключил триммер, отбросил его на полку. Взял полотенце и сильно отёр лицо.

– Покажись... – снова прозвучал резкий приказ. Хью уронил руки с полотенцем и послушно повернулся. Как ребенок. Скрюченная рука неловко ухватила его за подбородок и повернула голову. – Красавчик, – бабушка хмыкнула. – Давно пора было. Сразу сбросил пять лет.

– Да ну.

– Ладно, не пять, – она несильно замахнулась и хлопнула его по щеке. – Но по крайней мере выглядишь на свой возраст.

Хью закатил глаза и выпрямился.

– Спасибо, ба, – он отшвырнул полотенце, двинулся к проходу.

Бабуля медленно отошла в сторону.

– Не за что. Куда ты так собираешься? Завтрак уже холодный.

– Работа. И я уже опаздываю, так что завтрак съешь сама.

Она нервно цокнула языком.

– Можно подумать, я ем лошадиными порциями.

Ох уж эта родительская любовь...

– Спасибо, ба, – Хью стремительно вышел из ванной, направился к выходу. Хлопнул себя по карманам. Телефон и ключ от мотоцикла, ожидаемо, остались в спальне. За спиной застучала палка.

– Что за работа? – бабушка не могла оставить тему без внимания. – Я бы сказала, что ты собрался на свидание.

Как мало нужно, чтобы дезориентировать человека. Всего лишь срезать бороду. Хью метнулся к спальне, размашисто шагнул в проём.

– Расскажу, когда приду, – бросил он не оборачиваясь.

– Некогда сказать два слова бабке?

В спальню за ним она не пошла. Осталась в коридоре. Конечно, он же всё равно промчится мимо. Зачем бегать? Хью быстро просканировал комнату: ключ, мобильник и бумажник нашлись на комодe. В два прыжка преодолев расстояние, он схватил всё нужное, затолкал в карманы джинсов и вылетел вон. Бабуля предусмотрительно стояла у входной двери. С седым узлом на макушке, с орлиным носом, худая, стараяющаяся держат спину ровно, хотя это давалось нелегко.

Мудрая горгулья, охраняющая дверь.

– Фотосессия, – буркнул Хьюго на ходу.

– Хах! – выронила она. – Ты заделался моделью?

– Не смешно. Приятель попросил.

– Ну ладно, – бабушка вяло отмахнулась. – Расскажешь потом.

Куда же он денется?

– Естественно, – Хью пригнулся, быстро чмокнул её бу-
мажную щеку. – Пока. Не кури слишком много.

Она развернулась и, больше не глядя на него, постучала палкой к своей комнате.

– Как скажешь.

Он сдвинул брови. Бесплезно буравить узкую спину взглядом, это не работает, но Хью всё равно хмуро уставил-
ся ей вслед.

– Я серьёзно.

– Я тоже. Иди.

Дверь за бабушкой со скрипом закрылась.

Определенно, к вечеру она выкурит не меньше семи тру-
бок. Старая курильщица.

Хью горестно тряхнул головой и вышел из квартиры. При-
держиваясь за перила, он быстро сбежал по лестнице, вышел
через «чёрную» дверь и оказался на заднем дворе дома. Пол-
день уже прошёл. Жара если не достигла пика, то приближа-
лась к нему. Однако на мотоцикле жарко не будет. Постоян-
ные дожди делись куда-то несколько дней назад и до сих пор
не планировали возвращаться. Лучшая погода для езды.

Хью спрыгнул с низкого крыльца, подошёл к чёрной экс-
позиции возле парапета и сорвал чехол. Солнечные лучи
брызнули в серебристый металлик и на секунду ослепили.

Хью вернулся к дому, открыл дверь, зашвырнул чехол прямо на пол тёмного коридора и снова развернулся к «харли». Нащупал в кармане ключи и телефон, посмотрел на время. У него осталось пятнадцать минут.

Майя свернула за угол и выбежала на широкую парковку перед стеклянным офисным зданием. Она успела. Почти успела. Доехала, добежала, устала, как гончая. Осталось пересечь парковку. Она осмотрелась, поискала взглядом какой-то проход. Не нашла. Либо лавировать между машин, либо обегать по периметру, а это дольше. Томми явно начал паниковать и прислал целых три сообщения, по одному на каждые десять минут.

«Ты едешь?»

«Где ты?»

«Где ты, Майя? Вы, на хрен, сговорились?»

«Вы» – это она и, скорее всего, её партнёр Оливер. Майя не стала уточнять. Хотя обычно Оливер не опаздывает. Ей уже приходилось несколько раз работать с ним на «офисных» и милых «домашних» фотосессиях, и парень всегда приезжал намного раньше остальных. Ему нужно было подготовиться, как он объяснял.

Сегодня точно неудачный день, раз даже Оливер задерживается.

Майя устало вздохнула, прыгнула с бордюра и рванула через забитую машинами парковку. Прямиком к стеклянной двери. На последнее сообщение Томми она не ответила, и он, скорее всего, уже рвёт и мечет, насколько он вообще способен рвать и метать. Хотя, на самом деле, Томми безобидный смешной лысый гном. Когда он начинает кричать фальцетом и махать руками, хочется его обнять и погладить по лысине. И тем не менее он работодатель. Это важно.

Издалека послышался рёв мотора. Майя затормозила, обернулась в поисках источника. Сначала его не нашлось. Но громкость стала нарастать, и через несколько мгновений впереди выскочил серебристый мотоцикл. Майя осталась стоять на месте. Мотоцикл сбавил скорость, начал неспешно вилять, в поисках места, однако траектория езды сделалась непредсказуемой.

Лучше не лезть под колёса.

Он вильнул влево, не нашёл свободного угла, проехал по ряду и снова вильнул. Тёмная тень пронеслась совсем близко к Майе.

Если он не припаркуется прямо сейчас, придётся пробить ему покрышки.

Однако место нашлось. Байкер тоже его увидел, так как направил туда «коня» и наконец остановился. Широкоплечий крупный мужчина в чёрной водолазке (в такую жару!) и потёртых джинсах дёрнул ногой и выставил подножку. Тут же рывком стянул с головы шлем, на свет показалась темно-

волосая голова.

Больше Майя на него не смотрела. Снова начала свою гонку к цели, обогнула очередную машину, и мужчина скрылся из виду. На секунду показалось, что это Оливер, но тот ездит на потрёпанном пикапе и его плечи, хоть и широкие, но не настолько. Значит, Оливер уже приехал и опаздывает она одна. Чёрт.

Она подлетела к зданию, взбежала на широкое крыльцо, вошла в холл. Прохладный холл. Кондиционеры, храни их вселенная. Две секунды понадобилось, чтобы найти лифт. Дверь выскользнула из рук, Майя двинулась к металлическим створкам, всего в нескольких футах от выхода. Она с разбега воткнула палец в серебристую квадратную кнопку, та подсветилась красным, механизм за тяжелыми створками пришёл в действие.

Майя нетерпеливо переступила с ноги на ногу. До слуха донесся звук открывающейся двери. За ним – тяжелые шаги. Мужские. Мгновение, и рядом выросла высокая массивная фигура. Майя на автопилоте обернулась. Взгляд ткнулся в большое плечо, прикрытое рукавом чёрной футболки. То, что издали выглядело рукавом водолазки, на деле оказалось плотным рисунком татуировок.

Байкер. Естественно. Он же приехал именно на эту парковку, значит, ему тоже сюда. Она резко отвернулась. Не глядеть же на него теперь! Мужчина глухо откашлялся, боковое зрение уловило, как он скрестил руки на груди, а мыш-

цы плеч при этом внушительно перекатились. Очень внушительно.

И с ним придётся ехать в одном лифте. Но ведь можно и побежать по лестнице... На седьмой... Лифт издал «дзынь», двери начали медленно разъезжаться. Поздно. Мужчина решительно шагнул в кабину, развернулся. И только сейчас Майя наконец смогла заглянуть в его лицо. И вросла ногами в мраморный пол.

Вот это типаж...

Из-под густых, круто изломленных бровей на неё смотрели внимательные тёмные глаза. Одну бровь пересекала белая полоса шрама. Лицо заросло тёмной щетиной, плавно переходящей в короткую бороду, рост навскидку приближался к семи футам, а размах плеч соперничал со штангой. Самый настоящий байкер, каким его представляешь по одному слову, имея в голове только стереотип. Для полноты образа не хватало только кустистой бороды.

Как под ним не проседает мотоцикл?

Дверь лифта начала медленно закрываться. Только сейчас Майя поняла, что всё ещё стоит в холле и не двигается.

Тонкие губы мужчины изломались в чуть заметной ухмылке. Татуированная до самого запястья рука резко вытянулась в сторону и ударила по панели с кнопками. Двери замерли.

– Вы едете? – прозвучал глубокий грудной бас.

Майя моргнула. От этого голоса по спине пробежал рой

мурашек.

Она должна войти в этот лифт. Глупо же не войти. Или не глупо?

Татуированная рука продолжила удерживать кнопку. Тёмные глаза с интересом осмотрели Майю с головы до ног. Легко, без утайки. Не исподтишка, не косо, не как бы между прочим. Прямой взгляд уверенного в себе самца. Майя нервно оглянулась, обняла себя за плечи. Телефон в кармане звякнул сообщением. Наверняка опять Томми. За это опоздание он вполне может снять сотню фунтов с гонорара. Забег по лестнице отменяется. Майя занесла ногу и медленно вступила в лифт.

Крупная рука отпустила кнопку, двери сомкнулись. Продолжая обнимать себя за плечи, Майя осталась стоять у самого порога.

– Какой? – снова прозвучал бас.

Она нервно дёрнула головой на голос.

– Что?

– Этаж какой? – почти устало выронил мужчина.

Точно, этаж. Нужно же нажать на какой-то этаж.

– Седьмой, – пискнула Майя, расцепила руки и потянулась к панели.

Но её снова опередила всё та же рука.

– Какое совпадение, – палец вдавился в кнопку с цифрой «семь».

Лифт дёрнулся, кабина медленно пошуршала вверх.

Сильные руки в татуировках снова сомкнулись на широкой груди. Щёки Майи начали гореть. Ни с того ни с сего. Идиотизм. Либо в лифте не было кондиционера, либо это атмосфера накалилась. Можно подумать, она ни разу не ездила в лифтах с незнакомыми мужчинами. С такими высокими, сильными, внушительными... Нет, не ездила. С такими не ездила. Она задрала голову и посмотрела на цифры, отсчитывающие этажи.

Три... Четыре...

Байкер шевельнулся: поднял руку и поскрёб пальцем рассеченную бровь. Майя сильнее вцепилась себе в плечи. Если он пожелает, может сломать её одним этим пальцем, и тем не менее, несмотря на габариты, опасность от него почему-то не исходила. Скорее уж спокойствие и даже какая-то скука. Он снова скрестил руки на груди, опустил голову, посмотрел себе под ноги в громадных кедах...

Нервный смех чуть было не вырвался наружу, но Майя его задушила. Откуда ей знать об опасности? Миллионы людей живут бок о бок, встречаются каждый день и не знают, что у соседа за пазухой.

Шесть... Семь...

Слава Богу.

Лифт опять дёрнулся, издал «дзынь», и двери начали расходиться.

Майя не дождалась полного открытия. Просочилась в образовавшийся проём, выскочила в холл и припустилась по

длинному коридору с закрытыми дверями. Она могла бы себя поздравить со званием параноика года. Байкер наверняка подумал, что у неё шиза. Однако размышлять об этом не было времени, Томми точно снимет с неё голову. Сначала деньги, потом голову.

Серые одинаковые двери промелькнули одна за другой. Семьсот пять, семьсот шесть... Семьсот девять – та, что нужна. Майя остановилась напротив, глубоко вдохнула и шумно выдохнула. Всё. Конец гонки. Сейчас придётся оправдываться. Она взялась за ручку и ворвалась внутрь.

– Ребят, простите-простите-простите! – на ходу затараторила Майя. – Я не хотела. Вышло случайно.

В комнате оказались двое: визажист и фотограф. Они мгновенно обернулись на шум, Том, застывший с пышной кистью для макияжа в руках, ожил и развернулся к ней всем телом.

– Ну наконец-то! Тебя похитили инопланетяне?

Оливера нет. Где Оливер?

– Сгорел фен, – Майя сбросила с плеч сумку-рюкзак, швырнула в угол. – Выбегала из дома с мокрыми волосами.

Только сейчас она позволила себе нормально осмотреться. Обычная студия, стилизованная под комнату в доме. Выкрашенные в белый кирпичные стены, серый диван, мягкий ковёр. В зоне, не предназначенной для фотографии, стоял стол, заваленный вещами Томми, на спинке стула висела гора одежды. Как всегда. В противоположной стене виднелась

еще одна дверь, скорее всего, ведущая в ванную. Слава Богу, ванная!

Томми отбросил кисточку, в два ловких шага подошёл к Майе. Тонкие пальцы схватили её светло-каштановые волосы и развесили на манер пугала.

– Боже, ну и гнездо. Дина, – он развернулся к визажисту и выгнул брови. – Ты сможешь это исправить?

– Вряд ли, – отозвалась флегматичная девица с зелеными волосами. Майе еще не приходилось с ней работать. – Но так даже лучше. Естественно. Будто у неё только что был секс...

Внезапно за спиной прозвучало тихое покашливание.

– Всем привет, – проговорил грудной бас. – Я тоже опоздал. Простите.

Майя застыла. На секунду округлила глаза.

Не может быть!

Она медленно повернулась на носках, волосы выпали из рук Томми и завесили ей лицо. Майя коротко отфыркнулась. И практически ткнулась носом в вырез чёрной футболки. Ресницы взметнулись вверх, взгляд прошел по жилистой шее, короткой бороде, чуть заметно изломленным губам и остановился на тёмных глазах. Глазах, смотрящих прямо на неё. Рассеченная бровь при этом иронично выгнулась.

В ушах Майи зашумело.

Да ладно!

– Хьюго! – радостно воскликнул Томми прямо ей в ухо. – Какое счастье, все в сборе, можете знакомиться! Это Майя, –

он взял её под руку и подтолкнул к чёрной футболке. – Вы будете работать вместе.

Глава 3

Момент веселья безвозвратно испарился. Хью перестал смотреть на хорошенькую зеленоглазую шатенку, которая шарахалась от него, как от динозавра, и перевел взгляд на лысого Тома.

– В каком смысле?

– В прямом, Хьюго, – Том развёл руками, попятился назад и отошёл к стулу, заваленному вещами. – Вместе – значит, вместе.

Шатенка развернулась и в немом изумлении уставилась Томасу в спину. Хью испытал примерно те же эмоции.

– Ты ничего об этом не сказал, – он скрестил руки на груди и нахмурился.

– Подождите, – встряла Майя. – А где Оливер?

– Это есть в договоре, который ты вчера подписал, Хьюго, – Том стал сосредоточенно перекидывать одежду со спинки на сидение. – А Оливер слёг с простудой, дорогая, – он исподтишка покосился на девушку. – Тебе не понравился Хьюго? Посмотри, он даже отрезал бороду! Ты не представляешь, какая она была. Такая густая, длинная... Я его просил побриться, но он послал меня, и я уже не надеялся, а смотри-ка! Послушался! Теперь она не будет колоть твою нежную кожу...

Он продолжал тараторить, не давая никому шанса вкли-

ниться в речь. Никто и не стремился. Ушлый, тощий мерзавец! Так вот, значит, что за фокус с бородой вчера был...

– Стоп, – Хью выставил руку ладонью вперед. – Заткнись, Томас. – Лысый тут же проглотил фразу на полуслове. – Спасибо. А теперь пусть кто-нибудь объяснит мне внятно, что здесь будет происходить.

Том оторвал взгляд от одежды. Одна непонятна белая тряпка повисла в его пальцах.

– Ты не читал договор? – изумлённо спросил он.

Хью хмуро уставился на приятеля. Задумчиво почесал бровь, огладил остатки бороды. Не говорить же ему, что договор случайно оказался в куче мусора после закрытия бара. Хью так устал, что скомкал бумажку вместе с грязными салфетками и зашвырнул в чёрный мешок до того, как понял, что ошибся. Вынимать бумажку было поздно: она успела впитать в себя жир и грязь, собранные со всего бара.

Тишина в студии затянулась. Как на театральной сцене.

– Это... – тихо заговорила Майя и сразу же запнулась. Обернулась, заглянула Хью в лицо. Робко, застенчиво. – Это откровенная фотосессия. Эротическая, – закончила она.

Наверняка его лицо смешно вытянулось.

– Что? – вскинул брови Хью.

– Да-а... Что-то типа...

– Утра после секса! – встряла зеленоволосая девчонка.

А он про неё уже и забыл.

– Спасибо, – щёки Майи порозовели, и она тут же устави-

лась в пол.

Хью плотно сжал зубы. Их скрип, кажется, вышел слишком громким.

Твою же мать! На что он подписался? На что он, чёрт возьми, подписался? Он поднял руку и прикрыл рукой глаза. От безысходности. Глубоко втянул носом воздух и задержал в лёгких.

Эротическая фотосессия... Эротическая. Фотосессия... Супер. А он-то считал, что его фотографию в пору вешать на заборах вместо объявлений о собаках.

Томас продолжал ковыряться в вещах и ни на кого не смотрел. Чувствовал, что еще немного, и его лысина рискует впечататься в белую кирпичную кладку. Но теперь винить уже нужно не Тома, а только себя.

– И что нам надо делать? – проговорил Хью, переведя взгляд на Майю. Она здесь казалась самой адекватной. Хотя это не точно.

– А вы ни разу не работали на такой?

Хью подавил нервный хохот.

– Привет, Майя, – он выставил вперед руку для пожатия. – Я Хьюго Пирсон, бармен. Очень фактурный, – он посмотрел на фотографа поверх головы девушки. – Правда, Томми?

Тот не ответил. Майя секунду смотрела на его руку. Без опаски, скорее, прикидывая что-то в уме. Затем всё-таки вытянула свою ладонь и вложила в его.

– Майя Варанс, – тихо проговорила она. – Если тебе ста-

нет легче, это тоже мой первый раз... В смысле... – её щёки снова приняли розовый оттенок. – Именно такая фотосессия – первая.

Узкая ладонь поместилась в его ладони полностью. Спряталась, как мышь в нору. Хью осторожно сжал тёплые тонкие пальцы.

– И что нам нужно делать, Майя?

– Ну... – девушка повела плечом. – Мы должны будем обниматься... по-всякому...

Точно, фарс. На который он подписался не глядя. Хью надул щёки, громко выпустил воздух. Поднял руки и сцепил пальцы за головой.

– Кто вообще это купит?

– О, Хьюго, ты даже не представляешь, какая это большая ниша! – подал голос Том.

– Презервативы тоже нужно как-то рекламировать, – флегматично вставила Зеленая, прошла по комнате и мешком рухнула на диван.

Какая прелесть. Хью ошарашенно проследил за её вялым манёвром. Майя метнула в девчонку осуждающий взгляд.

– Не пугай его, – шикнул Том. – А то сбежит. Твоё суровое лицо, Хьюго, хорошо пойдёт на обложки для любовных романов.

Новый поворот в истории. Никогда, никогда нельзя подписывать странные договора не глядя.

– Каких, на хрен, романов?

– Ну знаешь, – Томас неопределенно махнул рукой с белой тряпкой. – Эти влажные фантазии, которые женщины пишут и безнаказанно выкладывают на литературных порталах...

– Не знаю, – перебил его Хью.

С каждым новым словом начинало казаться, что он попал в сумасшедший дом.

– Ну и хорошо. Лучше не знать, – отмахнулся фотограф. – Май, – он вытянул руку с тряпкой. – Иди в ванную, переодейся.

Девушка задержала взгляд на тряпке, неуверенно переступила с ноги на ногу. Но тут же кивнула, подхватила с пола свой рюкзак и стремительно пошагала к неприметной двери в стене. На ходу выдернула неясный предмет одежды из пальцев Томаса, влетела в комнату и закрылась изнутри.

Хью остался стоять у выхода. Никто не сказал, что должен делать он. Просто ждать? На самом деле сейчас самое время свалить из этого места. Однако это невозможно. Нужно высечь на барной стойке фразу: «Не смей подписывать непонятные документы. И повесь на шею очки».

Томас снова вернулся к тряпкам, про Хью все вдруг забыли. Он сдвинулся со своего поста, медленно направился к серому дивану, на котором, закрыв глаза и откинувшись на спинку, сидела зеленоволосая девица. Но, видимо, почувствовав движение рядом с собой, «проснулась» и выпрямилась.

Хью опустил рядом. Уперся локтями в колени и сцепил пальцы в замок.

– Томми, объясни, зачем здесь я? – заговорила Зеленая. – Они оба уже выглядят, как надо. Можно я пойду домой?

– Нет, – отозвался тот, выудив из кучи одежды новую тряпку. – Ты еще можешь пригодиться.

Зеленая вскинула брови.

– Зачем? Девушка растрёпанная, Хьюго brutальный, – она обернулась и бесцеремонно заглянула в его лицо. – Посмотри, ему даже бровь выщипывать не надо, у него уже настоящий шрам есть!

Хью почувствовал, как лицо снова начинает вытягиваться. Брови выгнулись на лбу сами собой.

Выщипать?

– Ты серьёзно собирался выщипать мне бровь? – рявкнул он в сторону Томаса.

Вышло громко и грубо. Но приятель даже не вздрогнул. Куда делась та заискивающая, трясущаяся чихуахуа? Сейчас в углу рядом со столом стоял по меньшей мере карликовый пинчер.

– Тебе – нет, – безразлично бросил он. – А Оливеру пришлось бы.

– Как ему повезло заболеть, – Хью резко откинулся на спинку дивана, руки безвольно упали на колени.

У него просто не осталось слов, чтобы как-то выразить негодование. Никакие слова не способны передать все эмо-

ции. Томми тем временем сделал несколько шагов по комнате и протянул ему тряпку. Остановился на расстоянии двух футов, в глазах мелькнула опаска. Значит, всё-таки побаивался. Хоть что-то хорошее.

– На вот, – скомандовал он. – Надень пока.

Хью перевел взгляд на кусок ткани. Потянулся вперед, рывком выдернул из тонких пальцев. Ткань расправилась в воздухе. Обычная нательная майка-алкоголичка. Хью взял майку за «плечи» и поднял вверх, развешивая перед собой.

– А моя футболка не подойдёт?

– Слишком официально, – заявила Зеленая, выглянув из-за его локтя. – Ты бы не проснулся в ней утром рядом с подругой.

– Много ты знаешь, – пробормотал Хью и выпустил майку из рук.

Она бесшумно упала на колени.

Выбора Хью, похоже, не оставили. Конечно, можно возмущаться, спорить с Томасом, крушить мебель, но Хью не любил такой стиль общения. А еще неизвестно, что написано в договоре в разделе «ответственности сторон». Он забросил руки за голову, подхватил футболку на загравке и сорвал с головы. Стремительно высвободил руки и отшвырнул в сторону чёрную ткань.

Из раскрытого на проветривание окна по спине прошел приятный холодок.

– Ва-а-ау! – благоговейно протянулось всё оттуда же, из-

под локтя.

Хью обернулся. Зеленая девчонка без утайки вытаращилась на его торс. Её рот комично приоткрылся. Сколько ей лет? На вид не больше двадцати. По манерам, в общем-то, тоже.

– Майя! – крикнула она, не отводя взгляд от торса. – Не расстраивайся из-за Оливера! У этого такие кубы! Даже нижние есть!

Господи... Хью устало закатил глаза. Схватил белую майку, расправил и в два рывка просунул руки через лямки.

– Можно потрогать? – обалдело выпалила девчонка.

Её ладонь уже с готовностью протянулась вперед. Хью резко одернул подол майки.

– Руки убрала, – рыкнул он.

Но желаемого эффекта на Зеленую не произвёл.

– Жлоб, – флегматично выронила она, отвернулась и встала с дивана. – Ну, я пошла?

– Стоять! Ты еще не посмотрела на Майю, – отбрил её Томми. – Ей нужно освежить лицо, выделить брови, глаза. Мне нужны качественные фотографии, бледную мышь я могу сфотографировать и в клетке.

Зеленая открыла рот, чтобы ответить, но не успела.

Дверь ванной тихо открылась. Хью, как и все остальные, обернулся на скрип. На пороге материализовалась Майя... состоящая из одних только голых ног, рук и плеч. Она прижала к телу свою футболку, и оттого создалось впечатление

наготы под ней. Хью незаметно для себя задержал дыхание.

И с нею нужно как-то фотографироваться? Как?

– Вот! – Зеленая вытянула руку и указала на девушку. – Она и сама справилась с макияжем. Я пошла.

Справилась? Правда? Хью оторвал взгляд от прижатой к груди футболки и всё-таки заглянул в лицо. Хорошенькое лицо. С аккуратным носом, большими зелеными глазами, чёткими острыми скулами, тёмными ресницами. Возможно, более тёмными, чем были до этого, но кто это заметит, учитывая отсутствие одежды?

Чёрт! На ней же должна быть одежда?

Майя неуверенно потёрла одной босой стопой другую, положила короткую прядь волос за ухо.

– Я ещё и визажист, – сообщила она. – Со своим бледным лицом могу справиться сама.

Так ему и надо, кретину.

– Дорогая, – Томми картинно всплеснул руками. Тупой осёл. – Я не имел в виду...

– Я поняла, – перебила девушка.

Зеленая ехидно фыркнула, схватила с дивана большую мешковатую сумку и развернулась к двери.

– Ну всё, всем пока, – махнула рукой она. – У меня сегодня еще миллион дел.

Она взялась за ручку, распахнула дверь и вылетела вон. Дверь громко хлопнула на прощание.

Майя проводила Дину взглядом. Дверной хлопок, создавшийся сквозняком, заставил поморщиться.

Ну вот, теперь их осталось трое. Почти интим.

Майя медленно обвела взглядом комнату: колыхающиеся занавески, мягкий ковёр, диван. И человека на диване. Он внимательно её рассматривал тёмными глазами под густыми бровями, изломленными как у сатира. Щекам стало жарко. Опять.

Как перестать краснеть перед ним? Уже давно никто не вводил Майю в такое смущение. Даже Мартин в первое время ухаживаний, хотя в те времена Майя часто чувствовала себя неловко рядом с ним. Официантка-модель-визажист и дантист. Что она могла ему предложить, кроме симпатичной «бледной» физиономии? Но это давно в прошлом. Мартин закрыл глаза на очевидное неравенство, и всё пошло хорошо.

А сейчас появился Хьюго Пирсон.

И один его взгляд заставляет внутренности скручиваться в тугую пружину. И это при том, что во взгляде не проскользнуло ни грамма похоти или чего-то такого. Только заинтересованность. И ирония.

Стоящий возле стола Томми вдруг хлопнул в ладоши, разрушая создавшуюся тишину.

– Ну что, давайте начинать, – скомандовал он. Упёр кулаки в бока и оценивающе прошёл взглядом по фигуре Майи. – Брось уже эту тряпку куда-нибудь.

Легко сказать «брось». Не его же рассматривают, как муху

под микроскопом. Но нужно как-то возвращать себе профессионализм. Майя набрала полную грудь воздуха, отлепила от себя футболку и отшвырнула к остальной одежде. Ткань не долетела до кучи, расправившись и спланировав на пол на полпути. Плевать. Майя осталась стоять в своих джинсовых шортах и коротком тонком топе, надетом на голове тело.

Бармен Хью на диване чуть заметно встрепенулся. Неужели тоже волнуется?

Майя скрестила руки на груди. Это не скрыло её голый живот, но дало иллюзию. Она сделала шаг по комнате и повернулась к Томми.

– Как будем начинать?

Он задумчиво огладил козлиную бородку. Смешно.

– Я думаю, сначала вы постоите, потом перейдёте на диван, потом можно спуститься на ковёр. А, чёрт... – Том поскрёб пальцами гладкую скулу. – Я не подумал. Хьюго слишком высокий, стоя у вас ничего не получится...

Он не закончил мысль. Внезапно по комнате прокатилось громкое раскатистое фыркание. Следом за ним зарокотал басистый хохот. Том крутанулся на пятках, Майя повернула голову туда, где сидел Хью: он зажал пальцами переносицу, хохот перешел в сдавленное хихиканье, отчего массивные татуированные плечи крупно затряслись.

Губы Майи дрогнули.

– Простите, – проплакал Хью басом, отнял руку от переносицы и выставил вперед ладонью. – Продолжай, Томми.

Том скорчил недовольную гримасу.

– Майя, садись рядом, – он щелкнул пальцами и ткнул в сторону дивана. – Хьюго, расстёгивай штаны.

Она уже сделала шаг по направлению к дивану, но тут же запнулась.

– Что? – вопрос вырвался как-то сам.

– Да ты охренел? – ошарашенно вскинул брови громила.

Томми закатыл глаза. Явно начал раздражаться.

– Боже мой. Как же с вами тяжело... Вы из одного монастыря сбежали? – он снова ткнул пальцем в диван. – Хьюго, вытяни ремень из джинсов и расстегни ширинку. Я не предлагаю тебе снять трусы, монашка ты моя. Майя, садись рядом.

Лицо большого мужчины вдруг стало серьёзным. Густые брови сошлись на переносице, в тёмных глазах мелькнул злой огонь.

– Еще раз скажешь что-то такое, и я проломлю тебе лысину, – тихо, но веско проговорил он.

Сильно.

Томми вдруг растерял всю свою браваду. Его худенькие плечи согнулись, голова втянулась в шею, как у птенца. Майя мысленно хохотнула. Не вслух. Вслух было бы слишком оскорбительно.

– Прости, – выдавил Том. – Просто вы какие-то зажатые... Может, вам поболтать? Я пока могу сходить за кофе, – услужливо добавил он. – Этажом ниже есть автомат.

– Гони, – Хью мотнул головой в сторону выхода. – Мне двойной эспрессо. Майе капучино... – он перевел на неё хмурый, но вопросительный взгляд. – Нормально? Может, латте?

Джентльмен...

– Капучино сойдёт, – она кивнула, сделала еще несколько шагов по комнате. Опустилась на диван и зажала ладони между колен.

Томас, не говоря ни слова, вылетел вон. Занавески на большом окне всколыхнулись, сквозняк снова громко хлопнул дверью.

Наступила тягучая тишина.

Майя задумчиво уставилась в серое дверное полотно. Удивительно, каким послушным сделался Томми. Он, вообще, часто забывался и выходил за рамки, но впервые нашлась модель, которая заткнула его. Обычно его терпели и молчали. Опускали головы, улыбались, втихаря поскрипывая зубами. Всем нужны деньги. Никто не хочет впасть в немилость.

А Хьюго Пирсону, очевидно, деньги не очень-то нужны. Да он и не модель. Бармен, случайно влипший в историю. На пути Томми однажды должен был попасться такой человек, который не постесняется воткнуть его слова ему же глотку.

Справа от Майи раздался шорох. Она оторвала взгляд от двери и обернулась: мужчина медленно встал с дивана, взял за пряжку ремня, расстегнул. Ремень плоской змеей прошёл через лямки и повис в огромной ладони.

– Будешь подсматривать? – прозвучал вопрос.

Она стремительно глянула вверх. Пересеченная шрамом бровь иронично выгнулась, тёмные глаза смотрели на Майю. Она тихо сглотнула.

– Думаю, мне надо привыкать.

Хью глухо хмыкнул. Ладонь разжалась, ремень полетел на сиденье.

– Ну да. Наверное, надо, – он отвернулся. Взялся за замок джинсов, высвободил пуговицу. – Что заставило тебя согласиться на это?

Майя не смогла отвести взгляд от его жеста. Молния поехала вниз, джинсы оказались расстёгнутыми. Хью упал назад на диван, широко расставил колени и уронил на них руки. Тёмная голова повернулась к ней.

Он же задал вопрос, надо что-то ответить...

– Деньги, конечно, – Майя нарочито безразлично пожала плечами.

Тёмные глаза изучающе сузились.

– Всё так плохо?

«Мне нужны деньги, чтобы купить подарок жениху на нашу свадьбу» – выглядит, как плохая шутка. Хотя в теории эта идея казалась удачной. Ну, или хотя бы неплохой... До того как Майя увидела белый тонкий трикотажный топ, облепивший тело, как вторая кожа.

Она снова повела плечом. Отвернулась, посмотрела на противоположную стену. Куда угодно, только не во внима-

тельные глаза.

– Мне нужна определенная сумма для определенной покупки, – равнодушно ответила она. – А ты почему здесь?

– Потому что идиот... – он размашисто потёр лицо ладонями. Однако тут же испуганно оторвал их от глаз и крутанулся к Майе. – Чёрт, не обижайся. Ты же понимаешь, что дело не в тебе. На самом деле ты очень красивая.

Опять. Это опять случилось. Щекам стало жарко. Но в этот раз губы сами собой растянулись в улыбке. Кто бы мог подумать, что от одного слова станет так приятно?

– Я не обижаюсь, – Майя покосилась на Хью, улыбка не захотела сходить с лица. – Так ты бармен?

Он изломил губы в ответной ухмылке.

– У меня свой бар. Здесь недалеко, в Нью-Кросс, «Чёрная кошка». Томми часто ошивается там, раздает странные флаеры... Мы не очень знакомы, вообще-то.

– И он попросил тебя побыть моделью.

– Что-то вроде того. Начал ныть, что у него срываются съемки.

За дверью послышались торопливые шаги. Дошли до двери, замерли. Ручка дёрнулась.

– Явился, – пробурчал Хью, посмотрев поверх головы Майи.

Дверь открылась. Медленно, нерешительно. В комнату вступила нога, толкнула дверное полотно, увеличивая проход, и через мгновение, осторожно ступая спиной вперед,

появился Томми целиком. Обе его руки были заняты стаканчиками.

– Как дела, ребят? – он обернулся через плечо. – Я всё купил, но давайте вы попьете потом? У нас осталось мало времени, скоро надо будет освободить помещение.

Он развернулся и замер, на лице застыло просительное выражение. Надо же, как Хью смог его приструнить!

– Ладно, – Майя коротко кивнула. – Давай быстро всё сделаем и разойдёмся.

Томми просиял.

– Круто!

Он прошагал к столу, опустил на него стаканчики, схватил фотоаппарат и перебросил на шею ремень. Не упуская момента, рванул назад к дивану.

Фотограф был полностью готов.

Была ли готова Майя?

Абсолютно нет.

Глава 4

Она глубоко вдохнула. Боковое зрение уловило, как Хьюго поднял руку и глухо откашлялся в кулак. Томми выжидающе остановился неподалёку от дивана, затем метнулся к окну, раскрыл и закрыл занавески, вероятно, регулируя освещение. Нахмурился, подумал о чём-то. Снова вернулся к дивану.

Майя развернулась к Хью.

Это просто. Должно быть просто. Нужно всего лишь сесть ему на колени и обнять. Всё. Никаких сложностей. Закрыть глаза и представить на его месте Мартина. И всё получится. Должно получиться.

Господи... Майя в очередной осмотрела бармена Хью с ног до головы. Его торс, прикрытый только белой майкой-алкоголичкой, широченную грудь, татуированные мощные руки... Нет. Это не Мартин. Совсем. Даже на ощупь. Чтобы обнять Мартина, достаточно просто взять и обнять. Чтобы обнять Хью, придётся распластаться на нём, как на баобабе, и всё равно не получится обхватить крепкое тело целиком.

– Всё хорошо? – прозвучал глубокий бас.

Майя тихо выпустила воздух из лёгких, оторвала взгляд от мощных плеч и заглянула в суровое лицо. Хью смотрел на неё. Выжидающе. Даже как-то обеспокоено. За габаритами баобаба должен скрываться в общем-то неплохой человек.

– Да, – Майя растянула губы в улыбке. – Всё супер. Начинаем?

Массивные плечи поднялись и опустились.

– Как скажешь.

Большой, хмурый, но согласный на всё. Что с ним делать?

Стоящий неподалёку Томми деликатно кашлянул. Устал ждать, бедняга, но боится сказать об этом вслух... Правильно, лучше ему молчать.

Майя последний раз вздохнула, оттолкнулась от спинки дивана, приподнялась и перебросила ногу через бёдра в растёгнутых потёртых джинсах. Её голый живот тут же ощутил жар, исходящий от мужского тела.

Нет. Легко ей не будет.

Хью под ней тихо хмыкнул.

– К такому я готов не был.

– Я как-то тоже, – пробормотала Майя, подалась вперед и положила руки на сильные плечи. Не просто сильные. Каменные.

– Мне нужно тебя обнять? – проговорил Хью.

В и без того низкий голос примешалась еще и хрипотца. Вот же чёрт...

– Да, – Майя снова растянула губы в улыбке. – Было бы неплохо.

– Ладно...

И обжигающие сухие ладони легли на её бёдра. Заскользили вверх, задели край коротких шортов и проследовали

на талию. Обхватили её почти целиком. Мужчина заметно вдохнул. Глубоко, тяжело. Кадык на мощном горле дёрнулся вниз и вверх... И тут же вокруг их композиции раздалась мягкие, невесомые шаги. Звук спускаемого затвора фотоаппарата зарядил очередью.

– Что дальше? – выдохнул Хью.

Его зрачки расширились, почти полностью закрывая собой радужку. Однако с такого расстояния стало видно, что эта самая радужка не тёмная, как казалось, а зелёная. Болотисто-зеленая. Наверняка, если в глаза падает свет, они становятся похожи на зеленый оникс.

Майя выгнулась навстречу крепкому торсу. Махнула головой, уткнулась лоб в лоб, и её растрёпанные каштановые волосы завесили собой другие каштановые, на несколько тонов темнее.

– Не знаю, – пробормотала она рядом с колючей щетиной. – Можем посидеть так немного.

Снова зарядила очередь щелчков, хоть немного разрушая и разряжая момент. Томми ответственно решил не упустить ни одного момента... В эту секунду джинсы под Майей дёрнулись в районе растёгнутой ширинки.

О господи боже.

– Прости, – пробормотал Хью, и его пальцы сильнее впились в её оголённую талию. – Это не я.

Конечно, это не он. Ему сейчас, наверное, еще сложнее, чем ей.

– Всё нормально, – она оторвала руку от напряженной шеи, провела пальцем по шраму на брови. – Я понимаю.

Фотоаппарат застрекотал. Скоро этот звук станет настолько привычным, что сознание перестанет его воспринимать. И ситуация станет совсем интимной. А это только начало, чёрт его дер.

Горячая рука на талии Майи поднялась выше, пальцы почти невесомо прошли по позвоночнику к шее. Нежно, как перо или цветок. Она чуть заметно вздрогнула и задержала воздух в лёгких. Такие сильные руки не должны уметь так нежно касаться... Хью, который не отрывал взгляд от её лица, изломил губы в ухмылке. Если со стороны дрожь заметной и не была, то его пальцы точно всё почувствовали.

– Так, стоп! – прозвучал неприятный фальцет. Момент разрушен. Какое счастье! – Мне очень жаль, Май, но тебе нужно раздеться еще больше.

Твою же мать...

– Что? – она резко отстранилась от мужского торса, по инерции уселась на колени в джинсах.

Томми покрутил пальцем, указывая в район её груди.

– Топ здесь лишний.

– Ты это понял за две минуты съемки?

– Я профи, – Том скептически выгнул брови. – И я говорю, что тебе надо снять топ. Ничего личного. Женская грудь меня интересует только как арт-объект.

Неужели он такой кретин и ничего не понимает?

– Не думаю, что Майя переживает из-за тебя, – глухо вмешался бас.

Майя стрельнула глазами в мужчину, на котором продолжала сидеть верхом, как на стуле. И который не возражал. Серьёзный. Томас открыл рот. Застыл. Снова захлопнул. Руки выпустили фотоаппарат, и тот повис в районе живота. Томми рывком приложил ладонь к глазам.

– Нет, всё-таки вы очень-очень сложные... – устало вздохнул он. – Ладно. Пока продолжим так. Давайте-ка, спуститесь вниз, – он безразлично махнул в сторону ковра. – Майя, ты оставайся на диване. Хью, садись на пол к ней спиной, и она обнимет тебя за плечи. Шепнёт тебе на ушко, какой ты классный.

С этими словами Томми взял фотоаппарат и уставился в его маленький экранчик. Наверняка чтобы проверить, вышло ли что-то нормальное из сцены на диване. Хью очень надеялся, что вышло. Чем быстрее Том нащелкает достаточно материала, тем быстрее эта попытка закончится.

Хью не предполагал, что сегодняшняя подработка станет пыткой.

Однако, когда его оседлали стройные бёдра в коротких шортах, а на уровне глаз появился белый, ничего не значащий топ, он осознал, что всё очень-очень плохо. Окончательно осознал. Не стоило вчера рвать отношения с Джуд. Можно было поехать к ней и разорвать связь сегодня утром. Сейчас было бы легче.

Хотя нет, не было бы. Майя успела ему понравиться, и еще до того как скрылась в ванной. Есть в ней что-то тонкое, деликатное... Умение держать себя, несмотря на всю абсурдность и щекотливость ситуации...

Девушка уперлась ладонями в плечи Хью, оттолкнулась и перебросила ногу назад на диван. От резкого движения светло-каштановые волосы завесили ей лицо, и она тут же забавно отфыркнулась. Дышать стало легче. Но только немного. Подчиняясь приказу, Хью съехал с сиденья на пол, подогнул колени и поставил на них локти. Уронил голову в ладони.

За спиной произошло движение. Почувствовалось, хотя никакого прикосновения не случилось. Однако уже через мгновение слева от плеча появилась голая босая нога. Хью покосился на гладкую голень. Красивую, с тонкой щиколоткой. Еще одно едва уловимое движение, и вторая нога появилась возле правого плеча. Почти шпагат.

Хью отвёл взгляд от ноги. Лучше не думать о Майе и шпагате.

На плечи снова легли узкие ладони. Чуть прохладные, приятно охлаждающие. Медленно проехали вниз, прогладив грудь в майке и спустившись на живот. Еще немного, и можно начинать мурчать, как кот. Рядом с ухом произошло движение, и боковое зрение уловило, как там появился женский профиль. Волосы Майи приятно пощекотали скулу.

Хью повернул голову. И неожиданно для себя уткнулся носом в ямку под ухом девушки. Случайно. Почему-то рас-

стояние до неё казалось больше. Но отстраниться Хью эгоистично отказался.

Поблизости застрекотал фотоаппарат. В поле зрения появились ноги Томаса. А он времени не теряет...

– Ну что? – пробормотал Хью. Губы при этом почти задела гладкую скулу Майи. – Скажешь?

Она отстранилась. Немного отодвинулась, чтобы повернуться и заглянуть ему в глаза.

– Что? – её брови непонимающе приподнялись.

– Что я классный, – Хью приподнял уголок губ в ухмылке. – Томми обещал. Я только ради этого спустился.

Он не собирался этого говорить. Вырвалось само. Ситуация просто обязывала к таким разговорам, им невозможно противиться. Майя, тем не менее, оторопела. Моргнула, а брови приподнялись еще чуть-чуть. Но лицо тут же просветлело, и она издала глухой сдержанный смешок.

– Ладно, – девушка закатила глаза. – Ты классный.

Стрекотание фотоаппарата продолжилось. Оно уже почти перестало напрягать.

– Спасибо, – Хью самодовольно хмыкнул. – Что мы будем делать дальше?

– Ты можешь посмотреть в окно, а я поцелую тебя в шею.

– Правда? – бровь со шрамом выгнулась.

– Нет, – Майя повела плечом. – Сделаю вид.

Очень жаль. Но озвучивать это не стоит. Хью подался назад, уперся спиной в основание дивана. Голые женские ноги

по инерции почти обняли за плечи, светло-каштановая голова Майи «уехала» вперед и свесилась вверх тормашками. Её зеленые глаза оказались на уровне его глаз.

Хью улыбнулся.

– Привет.

Томми где-то рядом тихо кашлянул. Чёртов Томми. Зачем он здесь вообще? Ему вполне уже можно выйти прогуляться. Хью забросил руку вверх, приобнял Майю, насколько это было возможно. Она оторвала пятки от пола и теперь уже на самом деле обвила его бесконечными ногами. Вот же чёрт...

– Долго нам так сидеть? – выдохнул Хью, всколыхнув короткий локон.

– Не знаю, – пробормотала Майя. – Надзиратель молчит.

– Я всё слышу, – тут же вклинился фальцет Тома. – Здесь достаточно. Очень живенько, но вы всё равно еще зажаты. Не знаю, сколько кадров можно будет выбрать в итоге.

Получив команду, Майя тут же резко отстранилась и выпрямилась. Ноги перестали обнимать. Как же легко она сбросила с себя окутывающий их обоих невидимый туман... Хью размашисто потёр лицо ладонями и зажал глаза. У него так же легко не получится при всём желании.

– Можете лечь на ковёр, – продолжил Томас, отступая в сторону и снова начиная рассматривать экранчик на фотоаппарате. – Кстати! – вдруг встрепенулся он. Тут же развернулся и подбежал к заваленному столу. Выпустил фотоаппа-

рат из рук и начал ковыряться в большой вещевой сумке. – Где же оно было... Чёрт, неужели выкинул...

Хью невзначай взглянул на девушку. Она откинулась на спинку дивана, прочесала пальцами волосы, растрепав их чуть больше, чем было. Натуральный беспорядок, естественный... Будто так и надо. Будто они с ней действительно только что встали с кровати. Жаль, это не так.

– А вот! – воскликнул Томми: в тонких пальцах оказалась зажата ветка какого-то куста с фиолетовыми цветами. – Лаванда! Прихватил в цветочном по пути сюда. Знал, что понадобится.

– Она живая? – прозвучал недоуменный голос Майи.

– Конечно. Будешь пахнуть Провансом, детка, – Томми шагнул по комнате, приблизился к дивану. Рука с лавандой опустилась к Хью. – На. Будешь её щекотать, а она будет хотать и лезть целоваться.

Если бы. Майя не полезет целоваться. В этом она выгодно отличается от Джуд.

К счастью и к несчастью одновременно.

Хью отобрал ветку. Её тонкий пряный запах тут же за клубился в воздухе.

Майя глубоко втянула носом воздух. Действительно, лаванда. Живая, не пластиковая. Её стойким запахом пропитается всё: кожа, одежда, волосы...

Мартин выгонит её из дома за лаванду. Или, по крайней

мере, заставит отмокать в ванной и перебивать запах химическими ароматизаторами. У него какой-то анти-фетиш, связанный с лавандой, и это выяснилось на третьей неделе знакомства, когда Майя пошла на свидание после душа с лавандовым мылом. Весь ужин Мартин просидел с недовольным лицом, потом с открытыми окнами машины отвёз Майю домой, отказался зайти на кофе и вместо поцелуя просто быстро чмокнул в щеку. Позже он написал сообщение: «Прости, ненавижу лаванду».

С тех пор любимое мыло покоилось на дне ящика в ванной, завёрнутое в два полиэтиленовых пакета. Чтобы не фонило.

Майя моргнула, освобождаясь от наваждения. Посмотрела на ароматную ветку в крупной мужской руке: Хью покрутил её, сорвал один, самый маленький, листик, и растёр его между подушечками пальцев. Поднёс к носу и глубоко вдохнул.

– Круто, – проговорил он на выдохе. – Никогда не слышал, как она пахнет, – мощное тело развернулось к дивану, болотисто-зеленые глаза с улыбкой посмотрели на Майю. – Тебе пойдет.

Чёрт... Он прав. Как же он прав... Майя невыразительно повела плечом.

– Посмотрим. Может, тебя затошнит уже через минуту.

– Не думаю, – хмыкнул мужчина. Снова крутанул ветку в пальцах, с интересом посмотрел, как запестрели фиолетовые

цветы. – Мне нравится. Куплю в горшке, поставлю в баре.

– Это куст.

Рассеченная бровь приподнялась.

– Тогда в кадке?

Это замечание не могло не вызвать эмоций. Губы Майи сами растянулись в улыбке.

И вслед за этим полетела очередь щелчков фотоаппарата.

– Садоводы, – почти тут же окликнул Томми. – Давайте работать. Кусты обсудите потом.

Точно. Работа. Это всего лишь работа, только работа. Она закончится уже очень скоро и останется в прошлом. Именно это и нужно повторять себе весь остаток фотосессии. Майя пулей слетела с дивана, встала коленями на ковёр, осмотрелась. Её идеи иссякли.

– Что нам делать? – она обернулась к стоящему над душой Томми.

– Любите друг друга, – величественно махнул рукой он.

– Очень смешно, – мрачно выронил Хью.

Томми стушевался. Вспомнил недавний конфликт – молодец, память хорошая.

– Ну, я не знаю, – промямлил он. – Май, ты ложись. Хьюго пусть нависнет над тобой и... всё такое.

«И всё такое» – как расплывчато звучит и как вдруг подогнулись колени. Не глядя на Хью, она вытянулась на ковре, повернулась на бок. Стала ждать. Кожа под ухом еще помнила, как туда ткнулся нос, как по телу прошёл электриче-

ский разряд. Нельзя так реагировать на партнёра по съемкам. Нельзя.

От дивана отделилась тяжелая мужская фигура. Поползла по ковру. Несколько «шагов», и Хью рухнул рядом. Тоже на спину. Тоже повернулся на бок. Уперся локтем в пол, подпер голову ладонью. Вытянул вперед лавандовую ветку и помаhal ею перед носом.

– Готова? – прогудел хриплый бас.

Майя неуверенно кивнула.

– Наверное, да.

– Боишься щекотки?

– Только на животе.

– Какая незадача, – Хью обманчиво горестно покачал головой. – Как раз живот открыт больше всего.

И с этими словами он сделал выпад веткой, как рапирой. Майя не успела заслониться руками. Фиолетовые цветы коснулись кожи, Хью мелко затряс ветку, и по телу прошла крупная дрожь. Майя упала на спину и пронзительно пискнула.

– Хватит! – выдавила она, выставляя вперед руки. – Это дурацкая идея!

– А мне весело, – Хью заулыбался, от глаз к вискам разбежались морщины. Он снова махнул татуированной рукой, и цветы прошли от живота к боку и вверх, к шее.

Майя нервно хохотнула.

– Чёрт, ладно, это по крайней мере можно терпеть.

– Подвинься ближе, мне неудобно дотягиваться.

Нахал.

– Сам подвинься! – она приподнялась на локтях и бросила в Хью возмущённый взгляд.

Томми тихо хмыкнул, медленно обходя их по кругу с поднятым вверх фотоаппаратом. Хью пожал могучими плечами, послушно проехал по ковру. Его тело почти прижалось к боку Майи. Но только почти. Остановилось на расстоянии в два дюйма.

Пора бы себя одёрнуть. Вспомнить про профессионализм, закончить фотосессию и холодно попрощаться с барменом из Нью-Кросс. Однако Майя не одёрнула. Она с замершим в горле смехом проследила, как ветка лаванды снова приблизилась к ней, минула живот, топ, и невесомо опустилась на скулу. Неожиданно.

Смеяться расхотелось.

Майя закрыла глаза. Вдохнула запах. Цветы мягко прошли по скуле и обрисовали овал лица. Стрекот фотоаппарата раздавался рядом, но сознание уже перестало подпускать его близко. Если не открывать глаза, можно решить, что в мире остался только ковёр, цветок и жар, волнами идущий от мужского тела рядом.

– Спишь? – проник в сознание низкий полусшепот.

Майя распахнула глаза. Хью навис над нею. Его зрачки снова расширились, перекрывая собой зеленую радужку.

Собратся. Нужно собратся. Это только работа.

– Не сплю, – пробормотала она.

– Ма-а-ай, – прозвучало сверху. Плаксиво и протяжно. – Ну правда, давай ты снимешь топ? – Томми отпустил фотоаппарат и сложил руки в молитвенном жесте. – У меня есть силиконовые накладки на грудь, никто ничего не увидит. И на фотографиях Хьюго будет прикрывать тебя своими большими разрисованными плечами. Р-р-р. Зато какой эффект наготы!

Господи, а она надеялась, он забудет. Майя резко села. Свесила голову, запустила пальцы в волосы. В комнате стало тихо.

Что ей делать?

Слушаться фотографа – её работа. Плохую, несговорчивую модель не будут звать работать. Хотя она же и не собиралась больше учувствовать в таких фотосессиях?

– Ма-а-ай, – снова протянул Томми.

Она выпустила пальцы из волос и беспомощно осмотрелась. Взгляд наткнулся на Хью. Он продолжал сидеть близко, но сейчас немного отодвинулся. Подогнул одно колено, обнял, лёг на него подбородком. И внимательно изучал Майю.

Его тонкие губы дрогнули.

– Обещаю смотреть только в глаза.

Да чёрт бы всё побрал...

Глава 5

Она согласилась. Нервно взвилась с ковра, сама нашла в ворохе одежды какую-то невнятную бежевую штуку и скрылась в ванной, хлопнув дверью.

За время её недолгого отсутствия лысый проныра с явным усилием поднял сиденье дивана, вытянул оттуда белое тонкое одеяло, подушку и захлопнул диван. Помощи не просил. Скорее всего, побаивался спугнуть удачу. Он в два броска зашвырнул в Хью вещами, приказал лечь на подушку прямо на ковре и накрыться. И ждать.

Хью подчинился почти безропотно. Устроился на подушке, прикрыл джинсы, забросил руку за голову. Томми попытался намекнуть про ненужность майки, но он одним взглядом отмёл все намёки. И дело не в смущении, которого нет. Хью был в состоянии снять майку и остаться в джинсах, но он заранее представлял, как вытянется лицо Майи, когда она появится здесь полуобнаженная и увидит его в таком же состоянии. Девушка заметно расслабилась после щекотки, но не настолько, чтобы запросто прилипнуть своей голой кожей к голой коже Хью.

А какое ему дело до терзаний малознакомой Майи? Не должно быть никакого. Однако рыцарские качества, которые бабушка Беатрис вбивала во внука рукоятью от швабры, иногда всё-таки давали о себе знать. Если в девушке рядом ощу-

щалась принцесса. Трогательная, красивая принцесса.

И вот. Она вышла.

Второй раз за последний час дверь ванной распахнулась, являя взгляду девушку. Второй раз она напомнила Венеру Ботичелли, выходящую из пены. Майя замерла на пороге, прижимая к телу футболку. Её взгляд метнулся сначала к Томми, но тут же нашел лежащего на полу Хью и застыл. В глазах отразился океан неуверенности.

Хью приподнялся на локтях. Взгляд застрял на руке, прижимающей футболку. На этот раз ошибки быть не могло. Максимум, что под ней есть – какая-то невнятная бежевая штука. Он подавил вздох. Это придётся как-то пережить.

– Прекрасно! – всплеснул почти женскими руками Томми. – Ну, сейчас мы быстро всё закончим, и можно будет разбежаться.

Как у него всё легко и просто.

– Надеюсь, – выдавила Майя.

Хью упал на подушку, уронил руку на лицо, закрыв глаза сгибом локтя.

– Я не смотрю, – пробормотал он. Вроде бы подучилось достаточно равнодушно. – Иди ложись.

Она послушалась не сразу. На мгновение в комнате стало совсем тихо. Но вот слух уловил лёгкие шлепки босых ног по полу. Затем ноги ступили на ковёр, одеяло на Хью зашевелилось, поднялось, и через секунду рядом с ним почувствовалось тепло другого тела. Он отнял руку от лица и повер-

нулся. Майя лежала головой на ковре, натянув одело до подбородка, уставившись в потолок.

Ей не хватило подушки.

Хью сдвинулся немного в сторону и повернулся на бок.

– Страшно?

Зеленые глаза без утайки заглянули в его глаза.

– Нет, – прозвучал почти заговорщицкий шепот. – Неуютно. Я вообще-то обычно не раздеваюсь перед незнакомыми мужчинами.

– Я тоже, – в тон ей пробормотал Хью.

Аккуратный нос сморщился. Мгновение, два... и девушка широко улыбнулась.

Не упускающий ничего фотоаппарат тут же защелкал над ухом.

– Ну что, освоились? – пропел Томми. Как обычно «во-время». – Май, повернись на живот и ляг на Хьюго, обопрись о него локтями, загляни в глаза. Можешь погладить его красивую щетину пальчиком... Ну ты знаешь все ваши женские штучки.

Девушка на секунду прикрыла глаза. Заметно вдохнула, шумно выдохнула... Сейчас самообладание Хью затрещит по швам джинсов.

Зажав одеяло, Майя неловко завертелась на месте. Оказалась на животе, придвинулась ближе. Одеядельная прослойка между телами поднялась, девушка переставила руки, и они легли на грудь Хью. Еще движение, и женское тело интимно

улеглось поверх его тела: голая нога под одеялом перебросилась через его ногу, живот надавил на ширинку. Хью сжал зубы и задержал воздух в лёгких. Майя поёрзала, устраиваясь удобнее, подъехала чуть выше, лицо оказалось на уровне лица.

Он конвульсивно вцепился в плавный изгиб голой талии.
– Ты издеваешься, – рвано выдохнул Хью.

Майя отфыркнулась от упавших на глаза волос.

– Я не виновата, – пробормотала она. – Убей Томми, и все станут счастливы.

– Он мне должен.

– Точно, – зеленые глаза сузились. – Мне тоже. Убьёшь, когда расплатится.

К коже над вырезом его майки прикоснулось что-то прохладное. Хью опустил взгляд и приподнял голову, чтобы посмотреть на неизвестный объект. По инерции. Не специально. Но его лицо тут же попало в капкан узкой ладони, а голову уложили назад на подушку.

– Ты собирался смотреть мне в глаза.

Надо же, запомнила.

– Я мёрзну, – вскинул брови он. – Что там?

– Силикон. Но это не повод его рассматривать.

Рука так и осталась лежать на его щеке. Тепло ладони импульсами проникало в кожу и согревало. Хью замер от этого прикосновения. Незаметно для них обоих одеяло на спине Майи поехало вниз, впуская в уютный кокон прохладу. Де-

вушка заметно поёжилась. Хью поднял вторую руку и уложил на голую талию.

– Простите, – прошептал откуда голос Томми. – Мне нужна её спина в кадре, а не одеяло

Но на него никто не посмотрел. Спина так спина.

Застрекотал фотоаппарат.

Майя шевельнулась. Её ладонь проехала вверх, зарылась пальцами в волосы Хью и прочесала их. Он сглотнул и закрыл глаза. Его рука на талии поднялась, пальцы проложили дорожку вдоль позвоночника. В этот раз не помешала никакая ткань, никакие бретельки. Пальцы дошли до шеи, обрисовали плечо и заскользили назад, к талии и краю шорт.

Девушка тихо рвано вздохнула.

– Нравится? – пробормотал Хью.

Она на секунду прикрыла глаза.

– М-хм...

Её начала бить ощутимая мелкая дрожь. Такая бывает от предвкушения чего-то. Майя мотнула головой, и светло-каштановые волосы перебросились на одну сторону. Она перекинула ногу под одеялом и оказалась полностью лежащей на Хью. Подогнув колени, поставила ладони по обе стороны от его головы, сделала рывок и поднялась на них. И оказалась сидящей верхом.

Хью будто окатило горячей лавой. За то, что он не посмотрел вниз, ему впору ставить памятник в каком-нибудь монастыре.

Майя склонилась и ткнулась лбом в лоб.

– Прости меня еще раз, – почти неслышно прошептала она

Как хорошо она всё понимает... И как быстро бьётся пульс на её шее...

– Всё ради работы, да? – хмыкнул Хью.

Или нет? Было бы хорошо, если нет. Даже замечательно.

– Ну всё, ребята, – врезался в мозг резкий фальцет. – Супер. Хватит. Пора собираться и сваливать отсюда.

Долбаный. Придурок. Томас.

Майя резко отпрянула. Поспешно. Скатилась с Хью, схватила одеяло и обмотала себя настолько, насколько могла. С пола поднялся белый кокон.

– Я быстро, – пробормотал кокон, согнулся, подхватил двумя пальцами валяющуюся футболку и скрылся в ванной.

Хью приподнял голову и стукнулся затылком о подушку. Жаль, там подушка. Лучше бы были голые доски пола, способные выбить из мозга всё скопившееся там желе. Он обреченно посмотрел на закрытую дверь, выхватил из-под головы подушку и запустил в идиота-фотографа.

– Ну ты и кретин, – прошипел он сквозь зубы.

Майя открыла кран, набрала воду в ладони и плеснула в лицо. Прохладные струи тут же побежали по шее, на ключи-

цы, утонули в футболке. Она выпрямилась. Рывком прочесала мокрыми пальцами волосы и сжала их на затылке. Всмотрелась в отражение. Лицо горело. Холодная вода его немного остудила, но щеки всё ещё были красными. В глазах стоял нездоровый блеск.

Или, наоборот, здоровый?

Так блестят глаза у влюблённых или психически больных людей, что, в принципе, синонимы. Но лучше бы ей быть психически больной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.